

Девочка из города

Любовь Воронкова

ВСТУПЛЕНИЕ

КАК ДЕВОЧКА В СИНЕМ КАПОРЕ ПОЯВИЛАСЬ В СЕЛЕ НЕЧАЕВЕ

Фронт был далеко от села Нечаева. Нечаевские колхозники не слышали грохота орудий, не видели, как бьются в небе самолёты и как полыхает по ночам зарево пожаров там, где враг проходит по русской земле. Но оттуда, где был фронт, шли через Нечаево беженцы. Они тащили салазки с узелками, горбились под тяжестью сумок и мешков. Цепляясь за платье матерей, шли и вязли в снегу ребятишки. Останавливались, грелись по избам бездомные люди и шли дальше.

Однажды в сумерки, когда тень от старой берёзы протянулась до самой житницы, в избу к Шалихиным постучались.

Рыжеватая проворная девочка Таиска бросилась к боковому окну, уткнулась носом в проталину, и обе её косички весело задрались кверху.

— Две тётеньки!—закричала она.— Одна молодая, в шарфе! А другая совсем старушка, с палочкой! И еще... глядите — девчонка!

Груша, старшая Таискина сестра, отложила чулок, который вязала, и тоже подошла к окну.

И правда девчонка. В синем капоре...

— Так идите же откройте,— сказала мать.— Чего ждёте то?

Груша толкнула Таиску:

— Ступай, что же ты! Всё старшие должны?

Таиска побежала открывать дверь. Люди вошли, и в избе запахло снегом и морозом.

Пока мать разговаривала с женщинами, пока спрашивала, откуда они, да куда идут, да где немцы и где фронт, Груша и Таиска разглядывали девочку.

— Гляди-ка, в ботиках!'

— А чулок рваный!

— Гляди, в сумку свою как вцепилась, даже пальцы не разжимает. Чего у ней там?

— А ты спроси.

— А ты сама спроси.

В это время явился с улицы Романок. Мороз надрал ему щёки. Красный, как помидор, он остановился против чужой девочки и вытаращил на неё глаза. Даже ноги обмести забыл. А девочка в синем капоре неподвижно сидела на краешке лавки. Правой рукой она прижимала к груди жёлтую сумочку, висевшую через плечо. Она молча глядела куда-то в стену и словно ничего не видела и не слышала.

Мать налила беженкам горячей похлёбки, отрезала по куску хлеба.

— Ох, да и горемыки же! — вздохнула она.— И самим нелегко, и ребёнок мается... Это дочка ваша?

— Нет,— ответила женщина,— чужая.

— На одной улице жили,— добавила старуха.

Мать удивилась:

— Чужая? А где же родные-то твои, девочка?

Девочка мрачно поглядела на неё и ничего не ответила.

— У неё никого нет,— шепнула женщина,— вся семья погибла: отец — на фронте, а мать и братишка — здесь. Убиты...

Мать глядела на девочку, и опомниться не могла.

Она глядела на её лёгонькое пальто, которое, наверно, насквозь продувает ветер, на её рваные чулки, на тонкую шею, жалобно белеющую из-под синего капора...

Убиты. Все убиты! А девчонка жива. И одна-то она на целом свете!

Мать подошла к девочке.

— Как тебя зовут, дочка?—ласково спросила она.

— Валя,— безучастно ответила девочка.

— Валя... Валентина...— задумчиво повторила мать.— Валентинка...

Увидев, что женщины взялись за котомки, она остановила их:

— Оставайтесь-ка вы ночевать сегодня. На дворе уже поздно, да и позёмка пошла — ишь как заметает! А утречком отправитесь.

Женщины остались. Мать постелила усталым людям постели. Девочке она устроила постель на теплой лежанке — пусть погрееется хорошенько. Девочка разделась, сняла свой синий капор, ткнулась в подушку, и сон тотчас одолел её. Так что когда вечером пришёл домой дед, его всегдашнее место на лежанке было занято, и в эту ночь ему пришлось улечься на сундуке. После ужина все угомонились очень скоро. Только мать ворочалась на своей постели и никак не могла уснуть. Ночью она встала, зажгла маленькую синюю лампочку и тихонько подошла к лежанке. Слабый свет лампы озарил нежное, чуть разгоревшееся лицо девочки, большие пушистые ресницы, тёмные с каштановым отливом волосы, разметавшиеся по цветастой подушке.

— Сиротинка ты бедная! — вздохнула мать,— Только глаза на свет открыла, а уж сколько горя на тебя навалилось! На такую-то маленькую!..

Долго стояла возле девочки мать и всё думала о чём-то. Взяла с пола её ботики, поглядела — худые, промокшие. Завтра эта девчужка наденет их и опять пойдёт куда-то... А куда?

Рано-рано, когда чуть забрезжило в окнах, мать встала и затопила печку. Дед поднялся тоже: он не любил долго лежать. В избе было тихо, только слышалось сонное дыхание да Романок посапывал на печке. В этой тишине при свете маленькой лампы мать тихонько разговаривала с дедом.

— Давай возьмём девочку, отец,— сказала она.— Уж очень её жалко!

Дед отложил валенок, который чинил, поднял голову и задумчиво поглядел на мать.

— Взять девочку?.. Ладно ли будет? — ответил он.— Мы деревенские, а она из города.

— А не всё ли равно, отец? И в городе люди, и в деревне люди. Ведь она сиротинка! Нашей Таиске подружка будет. На будущую зиму вместе в школу пойдут...

Дед подошёл, посмотрел на девочку:

— Ну что же... Гляди. Тебе виднее. Давай хоть и возьмём. Только смотри, сама потом не заплачь с нею!

— Э!.. Авось да не заплачу.

Вскоре поднялись и беженки и стали собираться в путь. Но когда они хотели будить девочку, мать остановила их:

— Погодите, не надо будить. Оставьте Валентинку у меня! Если кто родные найдутся, скажите, живёт в Нечаеве, у Дарьи Шалихиной. А у меня было трое ребяг — ну, будет четверо. Авось проживём!

Женщины поблагодарили хозяйку и ушли. А девочка осталась.

— Вот у меня и ещё одна дочка,— сказала задумчиво Дарья Шалихина,— дочка Валентинка... Ну что же, будем жить.

Так появился в селе Нечаеве новый человек.

УТРО

Валентинка не помнила, как уснула на тёплой лежанке. Голоса слились и отдалились, будто где-то смутно бормотало радио.

Откуда-то появился старик с косматыми бровями, наклонился над ней, что-то говорил. И потом пропал. Был он на самом деле или приснился Валентинке?

Она проснулась оттого, что звякнули ведром. Ей показалось, что это пуля звякнула в окно, и она вскочила, еле сдержав крик: «Немцы!»

Но тут же опомнилась. Тишина окружала её. На бревенчатых стенах, проконопаченных светлой паклей, лежали бледные солнечные полосы. Замороженные окошки тихо светились. Какие маленькие окошки! Совсем не похожие на те высокие окна, которые были в их доме.

Их дом! Мёртвые серые стены с дырами вместо окон, груды извёстки и кирпича возле дверей — вот каким в последний раз она видела этот дом...

Густое тепло окутывало Валентинку. Оно проникало сквозь подстилку — лежанка была хорошо прогрета. Оно заполняло густые завитки бараньего тулупа, которым была укрыта Валентинка. В первый раз за много дней и ночей она почувствовала, что согрелась.

А ей среди снеговых просторов уже начинало казаться, что всё её тело пронизано тонкими льдинками, которые больше никогда не растают. А вот сейчас она чувствует, что этих льдинок больше нет и что вся она живая г насквозь тёплая.

В кухне хозяйка топила печь. Весёлые отблески огня играли на стене. На печке кто-то сладко посапывал. Валентинка заглянула туда. Краснощёкий, вихрастый парнишка крепко спал, оттопырив губы.

«Романок! — вспомнила Валентинка.— А где же девочки?» И тотчас почувствовала, что на неё кто-то смотрит. Валентинка приподнялась, оглянулась. Солнечные полосы на стенах стали ярко-жёлтыми, на замороженных стёклах заиграли огоньки. Солнечный денёк начинался на улице!

А из угла, из-за спинки грубой деревянной кровати, любопытными глазами глядела на неё рыжеватая девчонка. Светлые косички, будто рогульки, торчали вверх. Валентинка узнала Таиску.

— А твои тётеньки ушли!— сказала Таиска. Валентинка встревоженно оглядела избу:

— Ушли? А меня... А я как же?

— А ты у нас будешь жить. Мне мамка сказала. Тебе хочется у нас жить?

— Не знаю. Мне всё равно.

— А ты фашистов видела? Они страшные?

Валентинка молчала. Когда начинали говорить про немцев, у неё каменело сердце. Но Таиска не унималась:

— А немцы прямо к вам в дом пришли, да?.. Из кухни появилась мать.

Это кто здесь про немцев затеял? — сердито сказала она.— Больше разговоров не нашли? Картошка сварилась, вставайте чистить!

Потом подошла к Валентинке и ласково спросила:

— Отогрелась?

Таиска живо соскочила с постели и растолкала Грушу. Груша поднялась лениво. Она была пухлая, белая, похожая на булку. Она одевалась, а сны всё ещё снились ей. Далёкими глазами посмотрела она на Валентинку: может, и Валентинка ей тоже снится?

Девочки уселись возле чугуна с картошкой. Над чугуном поднимался горячий пар.

— Мамка, гляди-ка! — шепнула Таиска, показывая на Грушу.

Груша в полусне вместо ножа взяла ложку и водила ею по картошине. Мать и Таиска громко рассмеялись.

Груша очнулась, бросила ложку и сказала:

— Тогда пусть и Валентинка встаёт картошку чистить. Старшие чистят, а она нет?

— Вставай, дочка, пора!— сказала мать. Валентинка с сожалением вылезла из-под тулупа. Она умылась над кадкой и тоже подошла к чугуну.

Как чудно! Чужая женщина зовёт её дочкой. Значит, и Валентинка должна называть её мамой?

Валентинка чистила горячую картошку, обжигала пальцы, а сама то и дело взглядывала на хозяйку. Худенькая женщина с гладкими светло-русыми волосами. На лбу у неё три морщинки. Сквозь рыжеватые ресницы весело поглядывают яркие синие глаза. Может

быть, она добрая... Только совсем, совсем не похожа она на молодую черноволосую Валентинкину маму. «Мама! Мамочка!...»

СТРАШНЫЙ ДЕД. ТАИСКЕ ПОПАДАЕТ ОТ МАТЕРИ

Дверь хлопнула. Кто-то вошёл в избу. Валентинка оглянулась и чуть не уронила картошину. Лохматый старик, который пригрезился ей вчера, стоял у порога и снимал полушубок.

— Кто это? — прошептала она.

— Это наш дедушка,— ответила Таиска.— Отцов отец.

Какие густые белые у него кудри! И какие косматые брови, даже глаз не видно! Вот таким стариком пугали Валентинку, когда она была совсем маленькая: «Если будешь плакать, придёт старик с мешком и заберёт тебя!» Теперь она будет жить у этого старика в доме и называть его дедушкой. А он, как видно, сердитый... Мать поставила на стол блюдо картошки со шкварками. Романок почувствовал вкусный запах и сразу поднял вихрастую голову:

— Ишь какие! Сами едят, а меня не зовут!

— Спать-то и не евши можно,— ответил дед. Но Романок уже соскочил с печки. Валентинка не знала, куда ей садиться.

— Садись к окошку! — шепнула ей Таиска. Валентинка села. Это было самое удобное место: и никто

не толкает, и можно в прогалинку заглядывать на улицу.

— Мамка! — вдруг закричала Груша.— Ну, посмотри, она на моё место ссла!

— Ну и что ж!—ответила мать.— Пусть сидит.

— Нет, не пусть! Я всегда там сижу! Уходи оттуда, постарше тебя есть! Валентинка молча встала. Но когда она хотела сесть на табуретку, которая стояла рядом,

Романок закрыл её руками:

— Не садись! Это я принёс!

— Иди сюда,— сказала мать Валентинке,— садись рядом со мной. Да руки-то, не стесняйся, протягивай. Бояться тебе некого, ты теперь здесь не чужая.

Валентинка ждала, когда ей дадут тарелку. Но никаких тарелок не подали на стол, а все ели прямо из большой миски. Ложки у неё тоже не оказалось. Она сидела молча, положив руки на колени, и не знала, что делать.

— Ты что же не ешь? — спросила мать.— У нас зевать некогда, как раз без завтрака останешься.

Романок и Таиска переглядывались и потихоньку смеялись чему-то.

— Ты что же это, видно, картошку не любишь?—сказал дед.— Ну, да ведь у нас не город. Колбасу не продают.

Валентинка сидела опустив голову. Она думала, что это ей нарочно не дали ложку и теперь смеются. Может, ей встать и уйти из-за стола?

— Да у неё ложки нет!—догадалась Груша.— Куда же она ложку дела? Ведь я всем подала.

Как так нету? — живо сказала Таиска.— Да вот она лежит.

— И она отодвинула хлебную ковригу, за которой притаилась деревянная ложка

— Это что ещё? — закричала мать.— Что за фокусы?.. Валентинка, возьми ложку да хлопни её по лбу, чтоб ей в другой раз неповадно было!

И тут же сама хотела хлопнуть Таиску. Но девчонка живо юркнула под стол.

— Вот и сиди там! — сказала мать,

— Мало тебе над Романком мудрить, так теперь к другой привязалась?.. А ты, Валентинка, что сидишь, как курица? Видишь — ложки нет, кричи: «Дайте мне ложку!» Разве можно себя в обиду давать?

— А меня Таиска один раз на худой стул посадила,— сказал Романок,— я даже шлёпнулся!

Таиске надоело сидеть под столом. Она вылезла с другой стороны, возле деда: здесь уж мать её ни за что не достанет!

Сначала Таиска сидела хмурая, но скоро всё забыла и опять повеселела. Когда налили чай, она придвинула Валентинке синюю мисочку и шепнула: Бери сахар! Валентинка положила, как дома, две ложки. А Таиска уже снова сидела возле Романка, и снова оба давились от смеха.

Валентинка хлебнула чаю, сморщилась и поставила чашку обратно. Таиска и Романок так и прыснули.

— Что, обварилась? — спросил дед.— Ты не по-городскому пей, а по-нашему, по- деревенски — из блюдечка. Вот и не обваришься.

— Мамка,— крикнула Груша,— гляди-ка, да они ей вместо сахару соли дали!

Мать хотела схватить Таиску за косички, но та выскочила из-за стола и убежала в горницу.

Мать налила Валентинке свежего чаю:

— Пей, дочка!.. А ты, Таиска, запомни: уж доберусь я до тебя — не проси милости!

НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Груша ушла в школу. В сумку с книгами она засунула бутылку молока, кусок хлеба и сладкую пареную брюкву. До обеда далеко — проголодаешься.

Таиска позвала Валентинку в горницу и вытащила из-под кровати ящик. Там лежали её куклы, все растрёпанные, раздетые, с облупленными носами. Но у Валентинки, когда она увидела их, даже румянец проступил на щеках. Как давно уже не играла она в куклы! Таиска схватила одну куклу за ногу, показала:

—Это Верка! Другую подняла за косу:

—Это Клашка!

Потом снова пошвыряла в ящик:

— Ну, их! Пойду на улицу!

Таиска убежала гулять. Романок увязался за ней.

Мать села чинить бельё: завтра суббота, надо всей семье баню устраивать, надо чистые рубашки приготовить.

А Валентинка под села к ящику. И тотчас куклы ожили и заговорили с ней.

— Где вы были?—спросила Валентинка.— Почему вы такие растрёпанные? Почему вы голые?

— Это мы от немцев бежали,— отвечали куклы.— Мы всё бежали, бежали — по снегу, через лес...

— Ну ладно, ладно! Не будем про это говорить... Сейчас надо сшить вам платья. Посидите немножко.

Валентинка подошла к матери:

— Пожалуйста...

И запнулась. Валентинка не знала, как назвать её. Тётя Даша? Но ведь эта женщина её в дочки взяла! Значит, мама?..

А мать глядела и ждала, как девочка назовёт её.

— Пожалуйста, дайте мне иголку и ножницы.

Мать усмехнулась, подала ей иголку и ножницы. Девочка поспешно отошла.

Какое красивое жёлтое платье получается для Веры! Какое нарядное!

И вот в то время, когда Валентинка одевала в новое платье куклу, из крыльце раздался топот, смех, говор, и в избу ввалилась целая ватага девчонок и маленьких ребятшек. Впереди была Таиска.

— Что это?—удивилась мать.— Никак, всей деревней явились?

— Явились!—ответила Таиска.

— Вот хорошо-то! Не видали тут вас с вашим озорством!

Да мы, мамка, не будем озоровать. Вот только девчонки Валентинку посмотрят, и всё. Ведь хочется же им посмотреть!

И не успела мать ответить, как орава уже хлынула в горницу. А чтоб не топтать полы, почти все сбросили у дверей валенки и зашлёпали босыми пятками по белым половицам.

Валентинка растерялась. Она смотрела то на одну, то на другую большими, немножко испуганными глазами. Чего они хотят? Что им надо?

Сначала все молчали. Девчонки подталкивали друг друга, хихикали и с любопытством разглядывали Валентинку. Первой заговорила Таиска:

— Она городская! Всегда в городе жила! Там дома, знаешь какие? Избу на избу поставь, и то мало!

Одна из девчонок, толстоногая Алёнка, под села к Валентинке:

— У тебя куклы были?

— Были,— тихо ответила Валентинка.— У одной глаза закрывались.

— А ещё что было?

— Посуда.

— А мы посуду из глины делаем,— вмешалась черноглазая Варя.— Всё: и чашки и чайники...

— У! Ты погляди только, какая у нас посуда!— затараторила Таиска.— Только у меня побилась вся, вся до крошечки! Вот у Вари...

— А у меня? А у меня плохая? — закричала Алёнка.— У меня даже с цветочками!

И девочки напереерыв начали рассказывать Валентинке, как летом они ходили в овраг за глиной (в этом овраге даже пещерки сделались!), как мочили эту глину, как мяли, как лепили из неё куклам посуду, а потом сушили на солнце. И тарелочки делали, и чугушки, и кринки! А Славка Вихрев даже самовар сделал. И печку из глины сделали, и даже топили её прямо по-настоящему, настоящими дровами: и огонь горел, и дым в трубу шёл!...

Но им бы не, догадаться это, сделать, если бы не Груша. Груша тогда в школу пошла, и там учительница им показала, как из глины грибы лепить. Груша принесла глиняный гриб домой и показала Таиске. Вот Таиске в голову и пришло: «Если можно гриб слепить, то, может, и ещё что-нибудь можно?» А Груша говорит: «Больше ничего нельзя. Раз учительница показала гриб, значит, и можно только гриб». А вот они пришли в овраг да и начали всё лепить!

— А меня возьмёте посуду делать? — спросила Валентинка.— А я сумею?

—Сумеешь,— ответила Таиска.— Романок и то чего-то слепил: не то санки, не то гуся.

— И вовсе танкетку! — сказал Романок,— Не разглядит ничего, а тоже!..

—А где этот овраг?

— А вот, за усадьбами. Только сейчас там сугробы!

— Весной пойдём, когда растает.

— А я знаю, где одна птичка живёт! — сказал Романок.— В малиннике. Как лето, так и опять там живёт. Гнёздышко и сейчас там висит...

— Птичка? — обрадовалась Валентинка.— И каждый год прилетает? В своё гнёздышко? Какая она — серенькая?

— Как зола. А грудка синенькая...

— Это варакушка.

— А ты почём знаешь? — удивилась Таиска.— Видела разве?

— Живую не видела, — ответила Валентинка,— а в книге видела. Такая маленькая, серая, с голубой грудкой... Ты мне её покажешь, Романок?

— А в этой книге и другие птицы были? — спросила Варя.

—Да. Там все птицы были, какие только есть на свете.

Все нарисованы. Мама читала мне про них, а я глядела картинки. Там и колибри есть.

—Какие колибри?

—Такие. Маленькая птичка, с напёрсток. И вся будто драгоценными камнями усыпана, так и блестит!

—Такие не бывают,— сказала Алёнка.

— А вот и бывают! — крикнула Таиска,— Мало ли какие бывают! И не такие ещё — с горошину бывают!.. Правда, Валентинка?

— А где эта книга?— спросила Варя.— Ты её не принесла с собой?

— Нет.

— Эх ты, завязала бы в узелок и понесла!

—Я не знала...

— Что не знала?

— Я не знала, что всё так будет...

Таиска быстро оглянулась на мать и прошептала:

—А как всё было-то? Немцы твоих родных убили, да?

— Да.

— И мамку твою, да?

— Да.

Валентинка перестала улыбаться. Она тихо и безучастно положила в ящик куклу в жёлтом платье... Ей сразу вспомнился страшный день, последний её день в городе... Город бомбят. Их дом стоит, окутанный дымом и пылью. Вместо окон тёмные дыры. На ступеньки выбегает мама с маленьким Толей на руках. Валентинка видит её как живую. Вот она — в синем платье, с чёрной развевающейся прядкой волос. Она испуганно кричит: «Валя! Валечка!..» Вдруг — удар. Бомба... Валентинка опомнилась среди каких-то разбитых брёвен — видно, её отбросило волной — и отсюда увидела чёрную яму, груды обломков и клочья синего платья под рухнувшими кирпичами... Она царапала эти кирпичи, раскидывала их, кричала, звала маму. Мама не откликнулась. Чужие женщины оттащили её от развалин и насильно увели куда-то. И потом дорога, деревни, снега, лес... И всё время мороз...

— Вы чего там затихли? — беспокойно спросила мать. — Что случилось?

Она вошла в горницу и сразу увидела помертвевшее лицо Валентинки.

— Об чём разговор был, ну? — обратилась она к девчонкам. — Вы что ей сказали?

— Мы ничего... — ответила Варя. — Мы только про книжку...

— А про немцев даже и не говорили, — добавил Романок.

— Таиска только спросила: правда, что её мамку фашисты убили?

Мать рассердилась. Ух, как она рассердилась, даже покраснела вся! Она схватила Таиску за руку, нашлапала и выгнала из горницы.

— Бессовестная! — кричала она на Таиску. — Жалости у тебя нету! Сердца у тебя нету! Или у тебя вместо головы пустой котелок на плечах?!

Таиска ревела, а девчонки, видя такую грозу, бросились в кухню, поспешно надели свои валенки и одна за другой шмыгнули за дверь.

— Иди сюда, дочка! — ласково сказала мать Валентинке. — Иди посиди со мной, послушай, что я расскажу тебе.

Валентинка молча, уселась на скамеечку возле её ног. Мать рассказывала какую-то сказку. Валентинка не слышала её. Мама стояла у неё в глазах, стояла такая, какой она видела её в последний момент, испуганная, с развевающейся прядкой. И Толя, обхвативший её шею обеими руками...

«Мама! Мамочка! Мамочка!..» — повторяла про себя Валентинка, обращаясь не к этой, живой, а к той, умершей.

И вдруг посреди весёлой сказки она уткнулась в серый фартук женщины и громко заплакала.

Мать не утешала Валентинку. Она только гладила её тёмные волосы:

— Поплачь, поплачь, дочка! Поплачешь — сердце отойдёт...

Таиска, у которой давно высохли слёзы, с удивлением смотрела на Валентинку. Что это? Таиска ревела — так ведь её нашлапали. А Валентинка чего ревет? Ведь ей же сказку рассказывали!

— Большая, а плачет, — сказал Романок. — Я, когда был большой, никогда не плакал!

Дурачок! — прошептала мать и улыбнулась сквозь слёзы.

МАТЬ УСТРАИВАЕТ НЕОБЫКНОВЕННУЮ БАНЮ

В субботу вечером, убрав скотину, мать вытащила из печки огромный чугунок с горячей водой и сказала:

— Ребятишки, готовьтесь!

— Сейчас в печку полезем!— закричала Таиска.— Париться!.. Валентинка, в печку полезем!

Валентинка думала, что Таиска вышучивает её. Как это они вдруг полезут в печку?

— Чудная эта Валентинка,— сказала Груша,— ничего не понимает. А ещё городская!

Тем временем мать вытащила из печки все горшки и кринки, настелила всюду свежей

соломы — и в самой печке, и на шестке, и на полу возле печки. Налила в таз горячей воды, сунула в него берёзовый веник и поставила в печку.

— Баня готова,— сказала она.— Кто первый?

— Я!— закричала Таиска, живо сбрасывая платье.— Я готова!

— Ну уж нет,— возразила Груша,— ты успеешь. Тут и постарше тебя есть!

Но пока-го Груша говорила, пока-то развязывала пояс, Таиска уже залезла в печку. Мать прикрыла её заслонкой, а Таиска плескалась там и выкрикивала что-то от избытка веселья.

— Лезь и ты,— сказала мать Валентинке.— Печка широкая, поместитесь.

— Я измажусь вся!—прошептала Валентинка.

— А ты осторожнее. Стенок не касайся.

Валентинка разделась, неловко полезла в печку и тут же задела плечом за устье, чёрное от сажи.

— Разукрасилась! — засмеялась мать.

—Лезь, лезь скорее! — кричала Таиска из печки.— Иди, я тебя веничком попарю!

Валентинка боялась лезть в печку. Но когда влезла, ей вдруг эта баня очень

понравилась. Блаженное тепло охватило её. Крепко пахло веником и свежей соломой. Таиска окунула веник в мыльную воду и принялась легонько хлестать её по спине. Потом тёрли друг друга мыльной мочалкой. И всё это было очень приятно.

В печке было темно, только щёлочка вокруг заслонки светилась, как золотая дужка. Эта жаркая пахучая тьма, эта шелковистая влажная солома под боком, этот веник, одевающий тёплым дождём,— всё размаривало, разнеживало, отнимало охоту двигаться. Даже Таиска угомонилась и прилегла на солому.

Валентинке вспомнилась сказка про Ивашечку. Вот он так же сидел в печке, прятался от бабы-яги. И представилось ей, будто она и есть Ивашечка. Она притаилась и слушала, не летит ли на помеле баба-яга.

Но в печке долго не просидишь. Стало душно. Хотелось высунуться, глотнуть свежсго воздуха.

— Мне жарко...— прошептала Валентинка.

— Мне тоже,— сказала Таиска. И закричала: — Мамка, открывай!

—Ага, запарились!— сказала мать и открыла заслонку.

Таиска выкатилась из печки, как колобок. А Валентинка опять зацепилась и посадила на плечо чёрную отметину. Пришлось замывать. Мать посадила их в корыто, облила тёплой водой, дала холщовое полотенце.

— Вытирайтесь, одевайтесь — и марш на лежанку сохнуть!

Валентинке казалось, что никогда ещё чистое бельё не пахло так свежо, как пахла эта заплатанная рубашка, которую дали ей. Всё её тело как будто дышало. Влажные руки всё ещё пахли веником. Это был такой новый для Валентинки запах, такой крепкий и необычный!

За ужином дед спросил:

— Ну как нашей барышне баня показалась? Понравилась или нет?

—Понравилась, —тихо ответила Валентинка.

Но дед не поверил:

— Ну, где же там! В городе-то в банях и светло, и тепло, и шайки тебе, и души всякие, а тут — словно горшок с кашей в печку посадили. Ну, да уж не взыщите, у нас городских бань нету!

«Я и не взыщу,— хотелось ответить Валентинке.— Мне в печке мыться очень понравилось, даже лучше, чем в бане!»

Но она уткнулась носом в кружку с молоком и ничего не ответила. Она боялась деда.

У РОМАНКА ПОЯВЛЯЕТСЯ ТАНКОВАЯ БРИГАДА.

НА БЕЛОМ СТОЛЕШНИКЕ РАСЦВЕТАЮТ АЛЫЕ ЦВЕТЫ

В этот день раньше всех проснулся Романок. Его разбудил приятный густой аромат, который носился по избе. Пахло чем-то сдобным... Возле печки на широкой лавке в два ряда лежали большие румяные лепёшки с картошкой и с творогом. Романок живо вскочил с постели:

— Мамка, какой нынче праздник? Опять Новый год, да?

— Ваша мамка нынче именинница, вот вам и праздник,— ответила мать. И, вздохнув, добавила: — Только вот нынче отца нет с нами. И письма нет...

Было раннее утро, поэтому все были дома: и дед ещё не ушёл на работу, и Груша ещё не ушла в школу, и Таиска ещё не убежала к подружкам.

Дед молча понурил голову. Давно нет письма с фронта. А на фронте всё время бои.

— А в прошлом году отец был,— сказала Груша.— Он мне всегда говорил: «Учись, учись хорошенько!» Он мне...

— Он — тебе!— прервала Таиска.— Как будто он только с тобой и разговаривал! И мне тоже говорил: «Таиска, не озоруй смотри!..»

— А мне говорил: «Расти скорей!»— добавил Романок.

Все начали вспоминать, как и что говорил отец. Вот бы приехал! Ну, хоть бы на побывочку завернул!.. А мать отвернулась и украдкой смахнула слёзы.

Только Валентинка молчала. Она не видела отца Шалихиных, не знала его, и он её не знал.

— Ну ладно, хватит! — сказала мать— Будет нам счастье, глядишь — и Гитлера разобьют, и отец наш вернётся с фронта. А пока что лепёшки на столе. Садитесь завтракать.

После завтрака мать позвали в колхозное хранилище разбирать картошку. Она быстро собралась и ушла.

— Когда наша мама была именинница, ей всегда что-нибудь дарили,— сказала Валентинка.

— Кто дарил? — живо спросила Таиска.

— Все. И я тоже. Я один раз ей картинку нарисовала и подарила.

У Таиски заблестели глаза:

— Давайте и мы нашей мамке что-нибудь подарим!

— А что, ну что ты подаришь? — спросила Груша/— Ну что ты умеешь?

— А ты что?

Груша задумалась. Может быть, чулки связать? Но ведь чулки сразу не свяжешь. Ещё когда начала чулок, а всё никак до пятки не доберётся. Вот какая эта мамка, не могла заранее сказать — Груша поспешила бы!

А я знаю, что сделаю!— закричала Таиска.— Я сейчас все до одной кринки вымою, все до

одной кастрюли вычищу, и все ложки, и все вилки!.. Чтобы всё блестело! Что, не сумею? Да?...

Таиска налила в лоханку горячей воды, собрала всю невытую посуду и взялась за дело.

Грязные брызги, зола, сажа—так всё и разлеталось кругом от её мочалки, так и гремели кринки в её руках, так и гудели кастрюли...

— Вот так подарок! — сказала Груша.— Уж я если придумаю, как хорошее что-нибудь!

— Романок, а ты что?

— А не видите — что?

Романок на широкой выбеленной печке рисовал углем танки. Впереди огромный, с тяжёлыми гусеницами, с большой пушкой — это «КВ» («Клим Ворошилов»), а за ним целая стая танков поменьше, лёгких, подвижных.

К соседям вернулся с фронта раненый сын. Он танкист и Романок хорошо знаком с ним. Он рассказывал Романку, как боятся немцы крепких и быстроходных советских танков. Романок потому и нарисовал их побольше. Все танки шли от печурок к окнам и палили из пушек. Снаряды рвались кругом и даже взлетали на дымоход, к самому потолку.

Валентинка глядела на Романка, на Таиску, на Грушу. Все они что-то подарят матери. А разве Валентинке не хочется подарить ей что-нибудь?

«Она их мама, а не моя,— упрямо подумалось ей,— пусть они и дарят...»

Но всё-таки ей очень хотелось подарить что-нибудь маме — тёте Даше. Пусть она не настоящая мама, всё равно!

— А ты возьми и тоже нарисуй что-нибудь,— сказала ей Таиска.— Вон там, под лавкой, стоит баночка с краской, дед кровать красил. И знаешь что? Возьми эту краску и нарисуй цветы вот тут на столешнике, вроде каймы. Я бы сама нарисовала, если бы умела.

— А разве хорошо будет? — спросила Валентинка.

— А почему же нехорошо? Цветы! Если бы я умела! Да ты не будешь, я знаю. Что она тебе — родная разве!

Валентинка на минутку задумалась. Можно ли рисовать! цветы на скатерти? Её мама, наверно, сказала бы, что нельзя. Но там было нельзя, а здесь, может быть, можно? Ведь разрисовал же Романок печку!

Валентинка полезла под лавку и достала баночку с краской. Потом встала на колени возле стола и на нижнем углу белого столешника робкой рукой намалевала большой красный цветок.

— Ой, до чего красиво!— сказала Таиска.— Как живой! У нас летом в палисаднике растут!.. Рисуй ещё!

Второй цвеюк вышел лучше. Лепестки у нею росли шире и смелее. Третий вышел немножко кривой, но это было почти незаметно. Романок оставил свои танки и рвущиеся снаряды и круглыми синими глазами с удивлением смотрел, как на белом столешнике расцветают алые цветы.

— И-и!..— вдруг раздалось испуганное восклицание.— Что наделали!

Груша вышла из горницы с книгой в руках и остановилась на пороге:

Что наделали! Весь столешник испортили! Ну, уж и попадёт вам теперь!

У Валентинки дрогнула кисть, и последний лепесток у последнего цветка загнулся, будто опалённый зноем.

Таиска, Романок и Валентинка глядели на Грушу, глядели друг на друга. Смутное сознание, что получилось как-то неладно, охватило их. А что же плохого, если на белом столешнике будут красные цветы? Но вот Груша говорит: «Попадёт!»

Груша вздёрнула пухлую верхнюю губу и сказала:

— Только, чур, меня не припутывать. Сами заварили кашу, сами и расхлёбывайте.

— А я и не заваривал,— сказал Романок,— я только глядел.

— А что же, я заваривала, да?—закричала Таиска.-

Я мою посуду и мою! И никаких цветов я на столешнике не делаю!

— Городская, а баловная!— строго сказала Груша.—Ишь что сбаловала!

И ушла в горницу.

У Валентинки сразу пропала вся радость. Она вытащила из своей жёлтой сумки носовой платок и попробовала потихоньку стереть краску. Но краска была масляная, она не стиралась. Сердце Валентинки сжалось от страха и горя

Что она наделала! Зачем она послушалась Таиску? Что теперь скажет мать, что она скажет матери?

Валентинка спрятала баночку с краской и села в уголок.

Скрип снега за окном, стук во дворе, чей-нибудь громкий голос на улице — всё заставляло её вздрагивать: мать идёт

И потом—дед. Что скажет дед, когда это увидит?

«Может, у вас в городе можно портить скатерти, ну, а уж! у нас этого нельзя! Таких барышень нам здесь не надо!»— вот что он скажет, наверно.

Может быть, полчаса прошло, может быть, час. Послышались шаги на крыльце, скрипнула дверь в сенях, и в избу вошла мать. Необычная тишина показалась ей странной. Она внимательно поглядела кругом.

— Это что такое?!— сердито закричала она, увидев раз-рисованную печку.— Это что за озорство такое?!

Взглянув на Таиску, она всплеснула руками:

— Ах, ты, чучело-чумичело! Ну, погляди, на кого же ты похожа? Вся в саже! А руки! А платье!

Увидев красные цветы на белом столешнике, мать даже покраснела от гнева:

Батюшки мои! Да что же это, в самом деле? Из избы выйти нельзя! Кто это намалевал, а? Кто?

Все трое смущённо поглядывали друг на друга. Только одна Груша спокойно и весело стояла у дверей горницы:

— Что, натворили подарочков?

Мать выдернула из веника прут:

— А ну-ка, Таиска, иди сюда, я тебя берёзовой кашей угощу! Я тебя научу, как цветы малевать на столешниках!

— Это не я! — крикнула Таиска.

— Это я намалевала...— тихо сказала Валентинка.

— Ты? — удивилась мать.— Ты? А кто тебя научил?

Валентинка взглянула на Таиску, встретила её испуганные глаза и опустила ресницы:

— Никто не научил. Я сама хотела...

Мать, ещё рассерженная, стояла, похлопывая хворостинкой по скамейке. У неё не поднималась рука отстегать Валентинку. Ну как её тронуть, когда она и так вся дрожит? А с другой стороны, тем ребятам обидно: ведь Таиску-то она за то же самое отстегала бы.

— Это я хотела тебе подарок...— сказала Валентинка.— Мы все хотели тебе подарки подарить!

— Подарки! Какие подарки?

— Ну... Вот Романок для тебя танки нарисовал. А Таиска всю посуду вымыла. А я... я думала, с цветами красивее. Это мы такие подарки придумали: ведь ты же именинница сегодня!

У матери разошлись сведённые брови. Ей даже стало стыдно, что она так расходилась, не узнав, в чём дело. И она была рада, что не нужно никого ругать и наказывать. Она села на лавку, отбросила хворостину и засмеялась. В это время вошёл дед.

— Отец, ты взгляни-ка!— со смехом сказала она деду.— Ты взгляни, пожалуйста, каких подарков они мне надарили: и танков целую бригаду, и чистых кринок, и алых цветов... Ой, батюшки! Ну что за ребята у меня — одна радость!

Потом пригляделась к столешнику и добавила:

— А знаете, ребяташки, с этими цветами и вправду красивее!

Снова мир и веселье поселились в избе. Только одна Груша была не в духе. Она так и не успела придумать подарка для матери.

ГОСТИ ПЬЮТ ЧАЙ С ЛЕПЕШКАМИ И ОСУЖДАЮТ МАТЬ

В сумерки, после того как убрали скотину, к матери при-шли гости. Стол был накрыт, кипел самовар, и лепёшки красовались в широком блюде.

Первой ввалилась в избу толстая тётка Марья в широком сборчатом полушубке. Она

размашисто перекрестилась! на передний угол и, по старинному обычаю, отвесила поклоны, сначала деду, затем матери. Потом разделась, но оставила на плечах большой пёстрый платок. И Валентинке сразу вспомнилась ватная грелка-баба, которую мама сажала на горячий чайник. Тётка Марья посмотрела на ребят и| зычно спросила:

— Живы, пострелы?

— Живы! — крикнула Таиска.

— А новенькая-то у вас где? Приёмш-то?

Романок ткнул Валентинку пальцем:

— Вот она!

Валентинка покраснела и опустила глаза.

— Да-а...— неодобрительно протянула тётка Марья.— Ничего бы девчонка, да уж больно тоща. Ишь ножки-то какие тоненькие!.. Ну, куда же в деревню такую? Ни на воз подать, ни с воза принять...

— Вот и я так-то говорю,— отозвался дед.— В дерене жить — на земле работать. А землю, братцы, любить надо. Ну, а где ж ей! Барышня!

В избу вошла ещё одна гостья, бабка Устинья, высокая старуха, сухощавая, подобранная. Она поклонилась хозяевам и, поджав тонкие губы, уставилась на Валентинку:

— Эту девчонку-то взяли?

— Эту,— ответила мать.

— М-м... Ну и что ж вы с ней делать будете?

— А что делать? Пусть растёт!

— Растет-то, растёт. Да что из неё вырастет? Ни отца её ты не знаешь, ни матери. А что они за люди были? Может, хорошие, а может, и не очень...

Валентинка взглянула на бабку Устинью и снова опустила ресницы.

— Во как зыркнула, видела?! — охнула бабка Устинья.— Так и съела глазищами-то!

— Садитесь, чай пить,— сказала мать,— милости прошу.

Только уселись за стол, загремела в сенях дверь, и явилась новая гостья—тётка Василиса, по прозвищу Грачиха. Так прозвали её за большой нос. Она тоже сразу стала разглядывать Валентинку:

— Ай-яй! Сразу видно, что не нашенькая: ишь какое лицо-то белое! Приживётся ли она у нас на чёрном хлебе-то?

Валентинка ушла в темную горницу и уселась в уголок. Уж очень неприятно, когда тебя разглядывают, будто какую-нибудь вещь!

Бабы за столом поговорили о войне, о том, что наши, слышно, гонят немцев; о том, что завтра всем колхозом возить дрова на станцию; о холстах, которые хорошо сейчас белить: солнышко начинает пригревать и снег стал едкий, все пятна отъедает... А потом снова заговорили про Валентинку.

— И куда ты, Дарья, набираешь себе ребят? — начала тётка Марья.— Время трудное, семья у тебя большая, мужик твой на войне — либо вернётся, либо нет... И не работница она: уж такая-то хлипкая! Да с ней в поле-то нагоришься!

— Нет, нет, не будет добра,—подхватила бабка Устинья.— Не будет она тебя, Дарья, ни любить, ни почитать. Как есть ты ей чужая, так чужая и останешься. Да она и по мастито к твоей семье не подходит: вы все белёсые, а она, вишь, тёмная!

— Э, бабы, полно-ка вам! — возразила Грачиха.— Можно ведь и по-другому рассудить. Ну, а куда, скажем, вот таким сиротинкам деваться? Ведь сейчас война. Мало ли их, горемык, останется? Что же теперь делать! Уж как-нибудь...

Валентинка ждала, что скажет мать. Неужели она тоже согласится с теми двумя? Что же тогда делать Валентинке? Как жить в этом доме, где её никто не будет любить?

Мать выслушала своих гостей, оглянулась, нет ли тут Валентинки, и сказала в раздумье:

— Что семья у меня большая — это меня не печалит: хлеба на всех хватит. Что работница из неё хорошая не выйдет — ну что же делать! Как сможет, так и сработает. И это меня не заботит. Но вот что меня заботит, бабы,— продолжала мать грустно,— что меня печалит, так это одно: не идёт в родню, не ластится. Не зовёт меня матерью, никак не зовёт. Не хочет! Или уж и вправду, как была чужая, так чужой и останется?

Валентинка вздохнула.

Она глядела из своего угла на мать, которая сидела в кухне за столом, задумчиво подпершись рукой.

—Мама... мама...— неслышно прошептала Валентинка.

Ей хотелось соединить это слово и эту женщину. Но ничего не получалось. Женщина оставалась тётей Дашей. И с этим Валентинке ничего нельзя было поделать.

В тот же вечер, проведив гостей, мать достала чернила и перо, попросила у Груши бумаги и села писать письмо.

Она писала письмо на фронт своему мужу о том, что с делами в колхозе понемногу справляются, что в доме всё благополучно и что ребяташки здоровы и ждут отца.

«...А ещё вот что,— писала она,— нужен мне твой совет. Я взяла в дом девочку Валентинку — сироту, беженку. Думаю, что я это хорошо сделала. Но вот некоторые люди говорят, что напрасно, и ругают меня за это. Что ты скажешь? Как присоветуешь? А может, люди правду говорят, что чужое не приживается?..»

ДЕВОЧКИ ОСТАЮТСЯ В ДОМЕ ОДНИ И ВЕДУТ ХОЗЯЙСТВО

Мать ещё затемно уехала с дровами на станцию.

Когда забрезжило в окнах, дед разбудил Грушу:

— Молодая хозяйка, вставай! Пора печку топить. В школу не пойдёшь сегодня — дома некому.

Груша не могла открыть глаза, не могла голову поднять с подушки. Но дед не отставал:

— Вставай! Телёнок пошла просит. Куры у крыльца собрались, корму ждут. Вставай и подручных буди. А мне некогда с вами долго разговаривать: "меня в амбаре ждут!"

Дед ушёл. Груша встала и тут же разбудила Таиску и Валентинку:

—Идите помогать. Одной, что ли, мне все дела делать?

— Мои дела, чур, на улице,— сказала Таиска,— а в избе ваши!

Таиска живо оделась. И пока полусонная Груша укладывала дрова в печке, Таиска сбегала на задворки, принесла охапку морозного хвороста, схватила ведро и пошла за водой.

Груша затопила печь. Жарко запылали тонкие, хрупкие прутья. Но хворост прогорел, а дрова задымались и погасли. Груша начала раздувать. Дым ударял ей в глаза. Груша сердилась и чуть не плакала с досады.

— А ты что стоишь и только смотришь? — закричала она на Валентинку.— Думаешь, тебе дела нет? Ступай, ещё хворосту принеси!

Валентинка накинула платок, вышла на улицу и остановилась. Как хорошо! Розовые облака в светло-голубом небе, розовые дымки над белыми крышами, острые огоньки на сугробах. И Морозец — лёгкий, скрипучий. А в воздухе уже что-то неуловимое, напоминающее о весне...

Валентинка прошла на задворки и вытащила из-под снега охапку хвороста. Груша встретила её на пороге и нетерпеливо выхватила хворост из её рук:

— За смертью тебя посылать! Тут печка совсем погасла, а она идёт, не идёт. Правду тётка Марья сказала: ни с возу, ни на воз!

Валентинка, молча, исподлобья глядела на светло-русый Грушин затылок, на её голые локти с ямочками. Никогда ещё не видела она такого неприятного затылка и таких неуклюжих рук. А голос, какой резкий!

«Была бы тётя Даша дома, так ты на меня так не кричала бы,— думала она,— побоялась бы матери. А вот без неё...»

И вдруг пустой, неудобной и печальной показалась ей изба. словно солнце ушло за тучу, словно погас огонёк, который озарял её.

«Хоть бы скорее вечер! Хоть бы скорее она приехала!»

Но день ещё только начинался, открывая целый ряд неожиданных неприятностей.

— Лезь в подпол за картошкой! — приказала Груша.— Вот бадейка, набери полную!

— Как — в подпол? — спросила Валентинка.— В какой подпол?

— Ну, вот ещё, какой подпол! Уж подпола не знает!

Груша подняла дверцу подпола. Валентинка заглянула — там было темно. Ну как это она туда полезет? Вдруг там... мало ли кто сидит! И какая же там картошка?

— Ну что же ты?!—закричала Груша.— Ведь так и печка прогорит, пока ты соберёшься!

— Я не полезу,— прошептала Валентинка.— Я боюсь, гам крысы...

— Какие крысы? Просто ты неженка, даже за картошкой слазить не можешь! Правду бабка Устинья говорит — с тобой нагоришься!

— Там темно же...

— Зажги лампу.

Валентинка зажгла маленькую синюю лампу, взяла бадейку и полезла в подпол. Свет лампы озарил земляные стены, кадки, покрытые деревянными кружками, кринки, яйца, уложенные в

ящик и пересыпанные золой. Справа громоздился ворох картошки, круглой и крупной, как на подбор. Из кучки песка торчали хвостики моркови... Оказалось, что в подполе совсем не страшно. Наоборот, интересно даже!

— Скоро ты? — крикнула сверху Груша.

— Сейчас! Только вот какой набрать: крупной или мелкой?

— Ну конечно, крупной! Мелкая на семена отобрана. Неужели не знаешь?

— Не знаю.

— Ну и чудная же ты! Все знают, а она не знает.

Валентинка еле подняла ведро с картошкой, еле вытащила его наверх по лесенке, со ступеньки на ступеньку. На верхней Груша подхватила ведро:

— Ну вылезай скорей! Я телёнку пойло приготовлю, а ты начисть картошки для супа и вымой... И где это Таиска запропастилась? Надо кур кормить, а её нет и нет! И печка нынче что-то не топится. Горе с вами!

Проснулся Романок. Он свесил с печки вихрастую голову:

— Завтрак сварился?

В это время у Груши свернулся чугунок с ухвата, и вода зашипела на горячих кирпичках.

— Вот ещё проснулся!—закричала Груша.— Чуть глаза откроет, так уже есть просит!

Наконец пришла Таиска, розовая, весёлая. В синих глазах её ещё дрожал смех.

— Ты что же, за водой-то в Парфёнки бегала? — напустилась на неё Груша.

— Да ты знаешь, сколько на колодце народу!

— Нисколько там народу! Просто в снежки с ребятами играла, вот и всё! Смотри, в ведре даже лёд намёрз!

А потом повернулась к Валентинке:

— Ну, готова картошка? Это ещё только три картошины очистила?.. Таиска, бери ножик, помоги этой неумёхе!

Но Таиска даже не подошла к Валентинке:

— Я сказала: мои дела на улице, а ваши в избе. Я лучше пойду кур кормить.

И снова скрылась, хлопнув дверью. У Валентинки ресницы набухли слезами. Она спешила, чтоб угодить Груше, но и ножик её плохо слушался, и картошка из рук вывёртывалась.

«И когда она приедет наконец?—думала Валентинка.— Ну, хоть бы поскорей, хоть бы поскорей!»

И прислушивалась, не скрипят ли сани у ворот, не слышится ли знакомый, такой напевный и ласковый голос...

Но вот картошка начищена. Груша заправила суп и поставила в печку. А потом налила пойла в широкую бадью и сказала:

— Вот, народу в избе много, а телёнка напоить некому!

— Давай я напою,— робко предложила Валентинка.

— Ступай, если сумеешь.

Валентинка не умела поить телёнка и не знала, где он. Но она взяла бадёйку и тихонько пошла из избы.

Груша догадалась:

— Романок, проводи нашу барышню. А то она какую-то колибру знает, а вот где телёнок стоит— не найдёт!

— У нас телят не было,— сказала Валентинка.

— Эх, вы!—пренебрежительно протянула Груша.— Даже телёнка не могли завести! Наверно, ленивые были!

У Валентинки засверкали глаза.

— Вовсе не ленивые! Мой папа до фронга целые дни на заводе пропадал. Он инженер был! И мама служила тоже!..

— Ну, ну, заговорила! — прервала Груша.— Пока говоришь, пойло остынет... Ой, кажется, дедушка завтракать идёт, а у меня ещё не готово! Из-за вас всё!

Валентинка с Романком вышли во двор.

— Он у нас в овчарнике,— сказал Романок.— Вот дверь. Его Огонёк зовут, потому что он рыжий! Иди! Только смотри овец не выпусти.

Когда Валентинка вошла в овчарник, овцы шарахнулись от неё в дальний угол. Они испугались Валентинки, а Валентинка испугалась их и остановилась у порога.

За высокой перегородкой стоял светло-жёлтый бычок. Он нетерпеливо совался мордой в щели перегородки и коротко мукал, вернее — макал:

«Мма! Мма!..»

Валентинка подошла к нему, и сердце у неё растаяло.

— У, какой хорошенький! У, какой миленький! И ножки белые, как в чулочках! А мордочка! А глазки чёрные, как черносливы!..

Валентинка открыла дверцу. Но не успела она войти за перегородку, как бычок отпихнул её, выскочил оттуда, бросился к бадейке и тут же опрокинул её. Тёплое пойло зажурчало сквозь подстилку. Валентинка в ужас подхватила бадью, но там было пусто. Бычок сердито стучат в дно бадьи, облизывал крошки жмыха со стенок. Но пошла не было, и он принялся орать во весь голос.

— Противный! — чуть не плача, крикнула Валентинка.— И пролил всё! И сам выскочил! Иди обратно! Иди!..

Но бычок и не собирался лезть обратно. Он принялся играть и бегать по тесному овчарнику. Овцы бросались от него, чуть не на стены прыгали. А ему это, как видно, очень нравилось: он фыркал, макал и подпрыгивал на всех своих четырёх белых ногах.

Валентинка вышла из овчарника, захлопнула дверь, села на приступку и расплакалась.

— Уйду отсюда! — повторяла она.— Всё равно уйду! Мне всё равно... Пусть в лесу замёрзну!

Наплакавшись, Валентинка вошла в избу и молча поставила пустую бадейку. На столе уже дымилась горячая картошка. Груша заметала шесток.

— Напоила? — спросила она.

— Нет...— ответила Валентинка.

— Как — нет? А пойло где?

— Он пролил...

— Ой!.. Ну ничего-то она не умеет! Ничего-то она не может! Вот уж барыню привели к нам! Правду тётка Марья говорила...

— Зачем сказала-то? — шепнула Валентинке Таиска.— Она бы и не узнала ничего!

— А бычок-то как же? Голодный будет целый день, да?

— Ну и что ж! Авось не околел бы!

— У таких хозяек, как ты, пожалуй, и околел бы! — вдруг сказал дед. Он стоял за дверью в горницу, вытирал полотенцем руки и слышал их разговор.— Скотину любить надо, жалеть. Вот видишь, городская, а и то жалеет. А тебе: «Ну и что ж!..» Сделай, Аграфёна, пойло да снеси сама.

Груша поворчала, но пойло отнесла. Всё обошлось.

Однако Валентинку томило что-то. Вот сейчас Груша опять даст ей какое-нибудь мудрёное дело. А Таиска, вместо того чтоб помочь, засмеётся и убежит на улицу, и Романок за ней. А дед хмурый, неприветливый, к нему не подойдёшь... Ну до чего же далеко до вечера! А вдруг она и вечером не приедет?..

После завтрака начали убирать избу. Валентинке досталось мести пол. Ну, это она сумела, она и дома не раз подметала комнату. Она вымела и горницу и кухню и смела сор с крыльца.

Утро было ясное, а день наступил сырой, серый, ветреный. С крыши срывалась капель. Среди голых веток щебетали воробьи. Какой холодный, хмурый день! Как холодно и грустно Валентинке! Надо, чтобы кто-нибудь её любил, обязательно надо, чтобы кто-нибудь любил её, был бы с ней ласков, чтобы кто-нибудь спросил её, не хочет ли она погулять или покушать, чтобы кто-нибудь сказал ей: «Не стой без пальто на ветру, простудишься!» Когда человека никто не любит, разве может человек жить на свете?..

Где солнце на небе? Высоко ли оно ещё или спустилось к вершинам леса? Ничего не видно за тучами. Валентинка продрогла и вошла в избу.

В избе было подозрительно тихо. Груша, Таиска и Романок сидели вокруг стола, уткнувшись лбами, и что-то рассматривали. Но, едва Валентинка переступила порог, они испуганно оглянулись на неё. Таиска схватила что-то со стола и сунула руку под фартук. Все трое глядели на Валентинку не то смущённо, не то насмешливо и молчали. Валентинка увидела, что из-под Таискиной фаргука выглядывав! жёлтый ремешок.

— Мою сумочку взяли! — крикнула она.— Зачем? Отдайте!

— О, раскричалась!—со смехом ответила Таиска.— А вот не отдам!

— Отдайте!

— Отдай! — пренебрежительно сказала Груша.— Подумаешь, добро! Мы думали, там что хорошее, а там картинки какие-то.

— На!—сказала Таиска.

Валентинка протянула руку, но Таиска отёрнула сумочку. И Романок и Таиска рассмеялись.

— Ну догони! Догони, тогда отдам! — И Таиска убежала в кухню.

Валентинка не стала догонять. Она подошла к угловому окошку и уставилась глазами в талый узор на стекле.

Тогда Таиска подошла и молча сунула ей сумочку. Валентинка взяла её, но от окна не отошла. Как они смели взять её сумочку? Разве она когда-нибудь полезла бы в школьную Грушину сумку? Разве стала бы рассматривать, что там есть?

Какой серый, хмурый день смотрит в окно!

Но что это там? Кажется, сани заскрипели по снегу. Так и есть — кто-то подъезжает к дому.

— Вроде как мамка приехала,— сказала Груша.

Валентинка бросилась на улицу, даже платка не накинула.

— Так и есть! — крикнула она.— Так и есть! Приехала!

Она подбежала к Дарье и молча обхватила её сырой армяк.

— Ты что это раздетая на холод вылетела?—закричала Дарья.— Иди домой живо!

Но пусть кричит — Валентинка ничуть её не боится. Она видит, как ласково светятся ей навстречу синие глаза, как улыбается покрасневшее от ветра милое лицо. Конечно, сегодня уже никто больше не посмеет обидеть Валентинку!

НА ОКНЕ ЗАЦВЕТАЕТ ВЕСНА.

ДЕД ОКАЗЫВАЕТСЯ НЕ СТРАШНЫМ И НЕ СЕРДИТЫМ

Стало теплее пригревать солнце. Берёзы стояли мокрые от стаявшего снега, и с тонких веток падали на землю сверкающие капельки. В деревне вдруг появились грачи. Они кричали среди голых вершин, рылись на потемневших дорогах.

— Снег рушится,— сказал дед.— Теперь фронтовикам в землянках, пожалуй, худо будет — сыро.— И вздохнул: — Эх, Гитлер проклятый! Весь свет заставил мучиться.

«Снег рушится...— подумала Валентинка.— Как это — рушится?»

Ей тотчас представился огромный овраг, куда с шумом обрушивались горы снега. Но где этот овраг? Спросить бы... Только у деда разве спросишь!

Валентинка часто выходила на крыльцо, стояла, смотрела, слушала... Смотрела, как идут облака по небу, как раскачивает ветер длинные косицы берёз, как скачут воробья, подбираясь к куриному корму. Слушала шум ветра в деревьях, смутное пение чижей, доносившееся из соседней рощицы.

Воздух был полон каких-то новых, необъяснимых запахов, которые волновали Валентинку, манили, звали куда-то...

Иногда Таиска тащила её гулять:

— Пойдём к девчонкам! Пойдём на гору!

Валентинка не шла. Боялась мальчишек — они отколотят.

Девочек боялась тоже — они будут смеяться над её капором, над её коротким платьем. И часто издали, не отходя от избы, смотрела, как веселятся ребяташки на горе или лупят снежками друг друга.

В солнечное утро дед принёс из кладовой семена пшеницы, овса и гороха и посеял в тарелках. Ему надо было узнать, хорошие ли это семена, годятся ли они для сева. Дед был кладовщик, и это была его первая забота — выдать для сева хорошие семена.

Каждый день Валентинка разглядывала тарелки: не показался ли где-нибудь росточек? Груша часто замечала, как Валентинка сидит над этими тарелками и смотрит на мокрую землю.

— И чего смотрит? — удивлялась Груша.— И чего ей интересно? Чудная!

Однажды к тарелкам с лукавым видом подошла Таиска.

— Что-то не всходят и не всходят! — сказала она.— Может, и не взойдут? — И, понизив голос, предложила:— Знаешь, Валентинка, ты посмотри. Разрой и посмотри, есть на них наклёвыши или нет. Если есть, значит, взойдут.

Валентинке и самой очень хотелось вырыть хоть бы одно зёрнышко. Но что-то слишком весело смеются у Таиски глаза и что-то Романок насторожился, так и вытаращился: разроет или не разроет Валентинка тарелку?

И вдруг Романок не выдержал.

- Не разрывай!—сказал он.— Дедушка вот до чего рассердится!

- Сунулся! — крикнула Таиска.— Ну чего ты сунулся? На тебя, что ли, он рассердится? На тебя, да?.. Таиска показала Романку язык и ушла.

- Я в ту весну разрыл, а он меня прямо за волосы,—продолжал Романок.— Ведь он их считает!

Валентинка испуганно смотрела на Романка. Ух, что было бы, если б она так вот деду напортила!

С этого дня она даже и близко не подходила к тарелкам. И когда становилось очень скучно, усаживалась в уголке за комодом, вынимала из своей жёлтой сумочки связку картинок и расставляла их рядышком возле стены. Эти картинки она собирала давно: вырезала из старых журналов, выменивала у подруг на лоскутки и на игрушки, выпрашивала у мамы, если та получала красивую открытку.

Дарья с беспокойством посматривала на Валентинку, когда та, усевшись перед своими картинками, смотрела па них и что-то бормотала потихоньку. С кем она разговаривает? Кого она видит?

А Валентинка придумывала: вот на круглом листке водяной лилии сидит крохотная девочка — Дюймовочка. Но это не Дюймовочка, это сама Валентинка сидит на листке и разговаривает с рыбками...

Или — вот избушка. Валентинка подходит к дверям Кто живёт в этой избушке? Она открывает низенькую дверь, у входит... а там прекрасная фея сидит и прядёт золотую пряжу. Фея встаёт Валентинке навстречу: «Здравствуй, девочка! А я давным-давно тебя поджидаю!»

Но игра эта тотчас кончалась, как только кто-нибудь из ребят приходил домой. Тогда она, молча убирала свои картинки.

Как-то перед вечером Валентинка не вытерпела и подошла к тарелкам.

— Ой, взошло! — воскликнула она.— Взошло! Листики!.. Романок, смотри! Романок подошёл к тарелкам:

— И, правда!

Но Валентинке показалось, что Романок мало удивился и мало обрадовался. Где Таиска? Её нет. Одна Груша сидит в горнице.

— Груша, поди-ка сюда, погляди!

Но Груша взяла чулок и как раз в это время считала петли. Она сердито отмахнулась:

— Подумаешь, есть там чего глядеть! Какая диковинка!

Валентинка удивлялась: ну как это никто не радуется? Надо деду сказать, ведь он же сеял это!

И, забыв свою всегдашнюю боязнь, она побежала к деду. Дед на дворе прорубал канавку, чтобы весенняя вода не разлилась по двору.

— Дедушка, пойдём! Ты погляди, что у тебя в тарелках, и листики и травка!

Дед приподнял свои косматые брови, посмотрел на неё, и Валентинка в первый раз увидела его глаза. Они были светлые, голубые и весёлые. И совсем не сердитым оказался дед, и совсем не страшным!

— А ты-то чего рада? — спросил он.

— Не знаю,—ответила Валентинка.— Так просто, интересно очень! Дед отставил в сторону лом:

— Ну что ж, пойдём, посмотрим.

Дед сосчитал всходы. Горох был хорош. Овёс тоже всходил дружно. А пшеница вышла редкая: не годятся семена, надо добывать свежих.

А Валентинке словно подарок подарили. И дед стал не страшный. И на окнах зеленело с каждым днём всё гуще, всё ярче. До чего радостно, когда на улице ещё снег, а на окне солнечно и зелено! Словно кусочек весны зацвёл здесь!

ПРИБЫЛЬ В ДОМЕ. В ИЗБЕ ПОЯВЛЯЮТСЯ НОВЫЕ ЖИЛЬЦЫ

Мать сегодня то и дело заглядывает в овчарник. Всё ходит, смотрит чего-то. И даже поздно вечером, когда уже все легли спать, Валентинка услышала, как она зажгла лампочку и, накинув шубейку, опять пошла в овчарник.

На этот раз она вернулась очень быстро и сразу стала будить деда:

— Отец, отец, встань, помоги!

И снова ушла. Дед тоже быстро поднялся и поспешил за ней.

Валентинка встревожилась. Что случилось? Она торопливо надела платье — может, сейчас придётся бежать?

Девочки спокойно спали на большой кровати. На краю печки похрапывал Романок. Ну почему же они все спят, когда в доме такая тревога?

Через некоторое время захлопали двери во дворе, раздались шаги в сенях. Вот мать идёт, вот дед, а вот ещё чьи-то мелкие шажки—тук, тук, тук...

Открылась дверь. Вошли мать и бабушка, а за ними вбежала большая чёрная овца. Мать несла что-то, завернутое в дерюжку. И когда она эту дерюжку развернула, Валентинка увидела маленьких, ещё мокрых ягнят. Она вскочила с постели:

— Ой, какие малюсенькие!

Ягнят было трое. Они еле стояли на своих растопыренных тонких ножках. Овца подошла к ним и начала их облизывать своим шершавым языком, и так яростно лизала, что ягнята не могли устоять, падали и кувыркались.

— Ну, хватит, хватит!— сказала мать.— Умыла, и ладно. Давай-ка лучше покорми своих ребят!

Дед подержал овцу, а мать взяла ягнят и поднесла к вымени. Ягнята тотчас принялись сосать. Только вышло не совсем хорошо: два чёрных сосали, а третий, белогрудый, бегал вокруг и кричал тоненьким голоском. Мать оттащила одного чёрного и поднесла белогрудого. Но чёрный рвался из рук. И не успела мать его выпустить, как он уже снова бросился и оттолкнул белогрудого. Мать покачала головой:

— Вот безобразники! Придётся этого отдельно подкармливать. Она налила молока в бутылку и надела резиновую соску.

Неужели пить будет? — удивилась Валентинка.— Разве он сумеет из соски? Разве он ребёночек?

— А кто же он? — улыбнулась мать.— Конечно, ребёночек... Овечий только. Ягнёнок сначала не взял соску, выплюнул. Но когда капелька молока попала ему на

язык, он почмокал и принялся сосать.

— Дай-ка я! — попросила Валентинка.— Дай, пожалуйста! Мать дала ей бутылку.

— Гляди-ка, пьёт! — обрадовалась Валентинка.— Пьёт из соски! Ой, до чего милая мордочка! До чего милые глупые глазочки!..

Валентинка обняла ягнёнка и поцеловала его в белый круглый лоб. Мать и дед посмотрели друг на друга и молча, улыбнулись.

— Может, и приживётся,— пробормотал дед, кряхтя и укладываясь спать.— Наши-то вон к скотине не больно ласковы, а эта — ишь...

— Не сглазь!—тихо ответила мать.

Валентинка не слышала этих слов. А если бы и слышала, то не обратила бы внимания, так она была рада ягням. Ведь она таких барашков видела раньше только на картинках!

ВАЛЕНТИНКА ЗАВОДИТ В ОВЧАРНИКЕ НЕРУШИМУЮ ДРУЖБУ

Ягнята так и остались жить в избе. Мать боялась, что в овчарнике они замёрзнут, простудятся, да и овцы их могут ушибить.

С ягнятами в избе стало очень весело. Несколько раз в день к ним приходила овца, кормила их. Белогрудому всегда доставалось меньше всех. Но для него бывала приготовлена бутылка с тёплым молоком, и Валентинка поджидала его.

И к молоку и к Валентинке ягнёнок привык скоро. Ей уже не приходилось совать ему соску в рот — он сам хватал её, чмокал и подталкивал, как подталкивают ягнята вымя, когда молоко задерживается.

После кормёжки ягнята начинали играть. Они бегали взапуски взад и вперёд — из кухни в горницу, из горницы в кухню. Маленькие твёрдые копытца мелко стучали по полу, будто горох сыпался. Ягнята подпрыгивали, подскакивали, налетали друг на друга, бодались безрогими лбами и снова мчались гурьбой от печки в горницу и из горницы к печке.

— Будет вам!—кричала на них мать.— Опять есть захотите.

Романку не терпелось — ему непременно хотелось схватить какого-нибудь ягнёнка на руки. Ягнята не давались, он бегал за ними, ттадал, они прыгали через него, девочки смеялись, и такой шум поднимался в избе, такой базар!..

Валентинка не могла нарадоваться на ягнят. Особенно на своего, на белогрудого. Он её знал, и Валентинка этим очень гордилась. Если б можно было, она бы не расставалась с ним. Она целовала его маленькую мокрую мордочку, белую отметину на лбу, тёплые атласные ушки и осыпала его всеми ласковыми словами, какие только могла придумать. Мать давала ягням попрыгать и поиграть, а потом загоняла их в хлевушок под кухонной лавкой. Валентинка сначала помогала ей. А потом целиком взяла на себя эту заботу: выпускать их к овце, загонять обратно, убирать грязную подстилку и стелить свежую. И часто, когда ягнята сладко дремали в тёплой полутьме, она сидела возле и в щёлочку любовалась ими.

Прошла неделя. Ягнята подросли, окрепли. Их густая шерсть закрутилась пушистыми завитками. У двух чёрных отчётливо выглянули крутые рога.

— Ну, братцы, пора вам в овчарник,— сказала мать.— Довольно тут грязнить да буяннить!

Валентинка помогала переселять ягнят. Как жалко! Ну где им там попрыгать? Большие овцы их затолкают. Вдруг этот дуралей, жёлтый бык, из своего стойла вырвется да начнёт бушевать по овчарнику?

— Ничего, ничего,— говорила мать,— привыкнут. А этого дуралея мы не выпустим. А хочется ему: ишь как поглядывает.

Бычок смиренно глядел на них сквозь широкую щель своими влажными большими глазами. Валентинка вспомнила, сколько ей пришлось однажды вытерпеть из-за этого смиренника. Но она подошла к нему, увидела его забавную тупую морду, потрогала нежные складочки на его жёлтой шелковистой шее и забыла все свои обиды:

— Огонёк, дай я тебя поглажу, миленький!

А когда вышли из овчарника, она обратилась к матери:

— Можно, я буду с тобой Огонька поить?

— С кем?

Валентинка потупила голову: она знала, что матери очень хочется, чтоб Валентинка сказала: «С тобой, мама!»

Но она не могла назвать её мамой. Ну не может, и всё!

— Ну что же,— со вздохом сказала мать,— если хочешь, давай поить вместе.

С этого дня Валентинка стала ходить с матерью в овчарник. Мать показала ей, как открывать дверцу, чтобы не выпустить бычка, как ставить бадейку, чтобы он не опрокинул, и как держать её, чтобы он не ударил рогом. Рога у него уже торчали в стороны, как у заправского быка.

Сначала Валентинка побаивалась Огонька, такой он неумный, такой бестолковый — наскокивает, толкается, чуть с ног не сшибёт. А чуть зазеваешься — сейчас заберёт себе в рот Валентинкино платье и начнёт жевать. Вот какой чуд- ной! А однажды он лизнул Валентинку прямо в лицо, словно тёркой провёл.

— Ой, меня бык умыл!— закричала Валентинка со смехом.

Мать засмеялась тоже:

— Вишь как он тебя любит! Знает же, глазастый, кто ему пойло носит.

Зато в избе, когда увели ягнят, Валентинке показалось пусто и скучно. Таиска и Романок пропадали на улице. Домоседка Груша или учила уроки, или вязала чулки. И тогда Валентинка

снова расставляла свои картинки, глядела на них и что-то шептала, словно разговаривала с невидимыми людьми.

ВАЛЕНТИНКА РАССКАЗЫВАЕТ ИСТОРИЮ

Груша читала вслух сказку про хромого уточку. Дойдя до того места, где уточка превратилась в девушку, Груша положила закладку и закрыла книгу.

— Ну что же ты! — сказал Романок. — Ну, а дальше?

— Дальше нам не задано, — ответила Груша. И, потянувшись, сладко зевнула: — Поспать бы сейчас!

На улице лепило — не то снег, не то дождик. Носа не высунешь. Таиска бродила по избе, не зная, чем заняться, и, заглядывая в окна, раздумывала: шибко она промокнет, если добежит до Алёнки, или не шибко?

Валентинка сидела в уголке за комодом. Картинки стояли перед ней. Романок подсел поближе и спросил:

— Это что — корабль?

— Да, — нехотя ответила Валентинка.

— А куда он плывёт?

— Вокруг света.

Романку стало интересно.

— Как — вокруг света? А где это? А какой корабль? А на корабле кто? А зачем он плывёт вокруг света?

— Это Магеллан плывёт, — сказала Валентинка.

Когда-то мама рассказывала ей о великих путешественниках, которые открывали новые земли. Про этих путешественников у них в доме была толстая книга с картинками. Больше всех ей почему-то запомнилась история хромого Магеллана. Как он проплыл по морям вокруг света, как он сражался с дикарями, как он умер. И хотя неизвестно, чей корабль был нарисован на картинке, она решила, что это корабль Магеллана.

— Видишь, как волны бушуют? Это ведь не река, это море. А на корабле матросы. И вот кричат: «Не хотим дальше плыть! Хотим обратно, домой!» А из каюты выходит капитан. Он идёт и хромает, идёт и хромает. Но это ничего, что он хромает, — он смелый! Он говорит: «Молчите! Мы домой не вернёмся! Мы будем плыть всё дальше! Там золотой остров, весь золотым песком усыпанный! А в речках лежат жемчужины — бери, сколько хочешь!»

Валентинка рассказывала Романку, как моряки нашли золотой остров, как пальмы на нём звенели своими золотыми листьями и как драгоценные камни сверкали в чашечках цветов и маленькие эльфы с цветными фонариками летали по ночам над лугами...

Об этом мама не говорила ей. Это она только что придумала. Но что ж из того, если Романку интересно!

Таиска тоже слушала чудесную историю. Она смотрела на синее море, на зелёные пальмы, которые виднелись вдали, на крутобокий корабль, увешанный парусами. Ей чудилось, что она видит, как ходит по палубе хромого капитан, она различала блеск золотого песка на далёком берегу острова, она слышала звон чистых ручьёв, на дне которых лежат светлые жемчужины...

— А на этой картинке — видишь? На них напали дикари...

Валентинка показала Романку вырезанную из книги иллюстрацию, где голые люди со стрелами напали на людей, одетых в испанские костюмы.

— А кто кого убил? — спросил Романок.

— Они Магеллана убили. Видишь, он падает?

— Ну, давай говори! — вдруг вмешалась Таиска.— Ты всё по порядку говори. Это какие люди: русские или немцы?

— Что ты!— улыбнулась Валентинка.— Тут русских нету! Это испанцы. А это дикари, чернокожие. У них кожа как сапог блестит.

— И вовсе так не бывает,— сказала Груша, зевая,— и всё придумала...

— А ты почём знаешь? — закричала Таиска.— А вот и бывает!

— Значит, ты знаешь?

— А вот и да! Знаю!

— Видела, что ли?

— А вот и да! Видела!

— С тобой говорить — язык наварить,— сказала Груша и замолчала.

— А ещё про какие-нибудь картинки знаешь? — спросила Таиска Валентинку.

— Знаю.

— А про какие знаешь?

— Да про все знаю.

— А расскажешь? Про всё расскажешь? Валентинка обещала. А пока что она собрала картинки и уложила в сумочку. Мать готовила пойло, надо было идти в овчарник.

— Давай я с тобой пойду быка поить? — предложила Таиска.—Давай будем вместе? Валентинка не знала, радоваться ей или нет. Хорошо, если Таиска и вправду будет

дружить с ней. А может, она только так, дурачится, а потом возьмёт да как-нибудь и подведёт Валентинку. И она ответила еле слышно:

— Давай.

Пошли все трое: мать всё-таки хотела посмотреть, как молодые хозяйки будут одни без неё управляться. И не напрасно пошла. Таиска сразу так напугала овец, что они чуть всех ягнят не потоптали, а с бычком тут же подралась и с досады хотела бадейку с пойлом опрокинуть ему на голову.

— Э, иди-ка ты отсюда!— сказала мать.— Так, матушка моя, за скотиной не ходят. Ступай-ка лучше принеси им свежей соломки да сенца клочок позеленее выбери.

— Вот и хорошо! — пробурчала Таиска. И побежала за сеном.

ТАИСКА УВОДИТ ВАЛЕНТИНКУ НА УЛИЦУ И НЕОЖИДАННО ПОЛУЧАЕТ СИНЯК

Перед вечером прояснело, снова ударил лёгкий морозец, Но снег почернел и подёрнулся настом. Зажурчали невидимые подснежные ручьи. Таиска пристала к Валентинке:

— Пойдём к девчонкам! Ну что ты всё дома да дома? Только и сидишь в углу, как мышь.

— Ступай, ступай,— подхватила мать,— пускай тебя ветерком обдует.

— В овраг пойдём! Помнишь, где глина?

Интересно посмотреть, какой это овраг. А может, там уж и снега нет, и пещерки видно.

Валентинка оделась. Вместо худых ботишков мать дала ей старые Грушины валенки с галошами. Девочки отправились. Романок тащился сзади. Зернистый снег проваливался и крепко хрустел под ногами. По дороге зашли за Варей, постучали в окно Алёнке. Девочки немножко сторонились Валентинки: они ещё не привыкли к ней.

Дошли до прогона и свернули на узкую тропочку, которая вела вниз, к реке. Тут, возле тропочки, и был овраг. Края его обнажились и ярко желтели под солнцем.

— Смотрите, вербушка! — вдруг сказала Варя. — Барашки вылезли!

— Где?

На самом краю оврага среди ольховых кустов стояла молодая верба. Её тёмно-красные ветки были украшены белыми шелковистыми комочками. Это было самое весёлое, самое нарядное деревце во всём перелеске.

Девочки стали думать, как бы достать вербушку. На дне оврага лежал глубокий снег. Только Таиска долго думать не стала — полезла прямо через сугроб. Местами наст выдерживал её, местами нет, и тогда Таиска проваливалась выше колен и барахталась в жёстком снегу. Снег набился ей в рукава и в валенки.

Но Таиска всё-таки добралась до вербы.

— Эй, вербушка!

Девчонки, видя такую удачу, тоже полезли через сугроб. И Валентинка полезла. Ей было страшно — а вдруг провалишься с головой — и интересно: ей ещё никогда не приходилось перелезть через такой сугроб. Будто она моряк, который отправляется в широкое море и не знает, переплывёт его или нет. Когда ноги скользили по блестящей корочке наста, ей казалось, что она

идёт, не касаясь земли. Когда вдруг с хрустом ломался наст, ей чудилось, что она стремглав летит куда-то в пропасть... Она выкарабкивалась, отряхивала снег и смеялась вместе с девчонками.

Вот и верба! Какая она пушистая, как она расправила свои ветви, даже ломать её жалко!

Но Валентинке жалко, а Таиске не жалко — она уже целый пук наломала. И Варя с Алёнкой не жалко — они тоже ломали и кромсали тёмно-красные ветки. И Романку не жалко. Он стоит на тропинке и кричит, чтоб Таиска ломала больше — на его долю. Но не идти же Валентинке домой с пустыми руками! Она отломала одну пушистую ветку. Какая сочная и как остро пахнет, когда отломишь!

«Ещё зима, а она цветёт», — подумалось Валентинке. Но, оглянувшись кругом, она среди чёрных деревьев увидела кусты, увешанные красно-бурыми серёжками. Что такое? Кругом блестит снег, а кусты стоят и красуются, будто уже май наступил на улице. Красные серёжки над снегом! А вот и ещё чудеснее: низенькие кустики внизу оврага подернулись, словно туманом, лёгкой зеленью. Ещё зима кругом, ещё спят ёлки и большие деревья стоят совсем голые и безмолвные.

Но что же волшебное случилось здесь? Может, сама Весна была этой ночью в перелеске и дотронулась до этих кустов?..

— Валентинка, ты что же? — крикнула Таиска. — Чего стоишь?

Валентинка встрепенулась. Девчонки с охалками вербы уже выбрались на тропинку. Валентинка пустилась в обратное путешествие через сугробы. Когда все собрались на тропинке, девочки удивились:

—Что же ты, Валентинка, лазила, а ничего не наломала?

— На вот, я тебе дам, — сказала Варя.

—Я сама дам, — вмешалась Таиска, — у меня хватит!

Вдруг откуда-то из-за кустов вылетел снежный комок и — бах! — прямо Таиске в спину.

— Ай! Кто это?

Послышался негромкий смех. Из-за кустов вылетело сразу несколько жёстких снежков — и кому в затылок, кому в грудь, кому прямо в лоб...

— Мальчишки! — крикнула Варя. — Вербу отнимут! Бежим!

Девочки пустились домой. Таиска самая первая, Валентинка самая последняя — очень большие и тяжёлые были у неё валенки. Даже Романок обогнал её.

— Догоняй, догоняй их! — кричали сзади мальчишки. — Верба хлёт, бьёт до слёз! Верба бела, бьёт за дело! Э-э!.. А-а!..

Мальчишек было только двое, но Валентинке показалось, что сзади налетает какая-то дикая орда.

Снежки так и летели через голову и то и дело больно стучали в спину. Видя, что Валентинка отстаёт, они сосредоточили весь свой снежный огонь на её синем капоре.

Девчонки всё дальше, даже Романок прыгает, как заяц, а Валентинка спотыкается, скользит, и ноги её отказываются бежать. Что ей делать? Как ей спастись?

И тогда она закричала пронзительно, изо всех сил:

Таиска! Таиска!...

Таиска была уже на горе. Она остановилась и оглянулась. Мальчишки настигли Валентинку и, весело выкрикивая «вербу», с двух сторон забивали её снегом. Валентинка уже не пыталась бежать — она стояла согнувшись и закрыв руками лицо. Таиска сунула свою вербу Романку в руки и, словно коршун с высоты, устремилась обратно вниз. Она с разбегу налетела на Андрюшку — он стоял ближе — и сцепилась с ним. Она сбила с него шапку и старалась схватить за волосы. Андрюшка дал ей тумака, а сам нагнулся за шапкой. Таиска уловила момент и запустила руку в его вихры. Другой мальчишка, Колька Сошкин, сначала растерялся, но потом снова схватился за

снежки. Бой начался не на жизнь, а на смерть. Таиска царапалась и налетала на мальчишек, словно разъярённый петух.

— Беги! — кричала она Валентинке. — Беги! Я с ними... сейчас... расправ... расправлюсь!

Но Валентинка не побежала. Она неожиданно подскочила к Андрюшке и начала хлестать его своей вербой.

— Ой, ой! — закричал Андрюшка. — Ты ещё глаз выстегнешь! — и закрыл руками лицо.

Таиска схватила Валентинку за рукав:

— Пойдём! Хватит с них. Они теперь будут знать, какая верба хлёт!

Домой явились прямо к уборке. Валентинка всё ещё дрожала после боевой схватки. Только возле ягняток, возле жёлтого тёплого Огонька она успокоилась.

— Эх ты, лизун! — сказала она, поглаживая его нежную шею. — Стоишь тут и ничего не знаешь. А в овраге что делается!

Большой букет вербы красовался на столе в горнице. Тонкий аромат леса бродил по избе. Валентинка под села к деду.

Дедушка, ты знаешь... Ты не поверишь, наверно, но это правда, я сама видела!

— Что видела?

— В овраге! Кругом снег, а на кустах зелёные листики. Мелкие-мелкие, но всё-таки листики! А на другом кусте, на большом, красные серёжки... Хочешь, пойдём, покажу?

Но дед и не думал не верить.

— Вот так чудо! — усмехнулся он. — Да это ольха зацвела. Она всегда так торопится. Это чтоб листья ей цвести не мешали. Она любит цвести на просторе, чтоб ей цветы ветерок обдувал. А те зелёные—так это ивняк. Деревце не гордое— солнышко греет, и ладно.

За ужином все увидели, что у Таиски заплывает глаз и веко почернело. Первая заметила Груша:

— Глядите, глаз-то у Таиски!

— Вот так фонарь!— сказал дед.— Теперь нам и лампы не нужно, и так светло.

Батюшки!— удивилась мать,— Это где же тебя угораздило? Стукнулась, что ли?

— Небось, с мальчишками подралась,— сказала Груша. Таиска молча, уплетала щи,

будто не о ней шла речь.

Но последнее замечание её задело.

— А вот и да,— ответила она,— вот и подралась! И ещё подерусь!

— Таиска,— с упрёком сказала мать,— ну неужто это хорошо — с мальчишками драться?

— А если они нашу Валентинку бьют? — крикнула Таиска.— Это хорошо, да?

Они нашу Валентинку снегом!— сердито сказал Романок.

— Нашу Валентинку... — вполголоса повторила Груша, словно прислушиваясь к этим словам.— Нашу...

А дед потрепал Таиску по плечу:

— Так и надо. Если наших бьют, спускаться не надо! Дерись!

ПРАЗДНИК ВЕСНЫ. ЖАВОРОНКИ ИЗ ТЕСТА

Это был праздник. Но о таких праздниках Валентинке никто никогда даже и не рассказывал.

Ещё с вечера Таиска вертелась возле матери:

— Мамка, погляди-ка на численник...

— Поглядела. Двадцатое. Что же дальше?

— А дальше — завтра двадцать первое. Ты что же, забыла? — А что такое двадцать первое? Война кончится, что ли?

— Да мамка же, не притворяйся! Ведь завтра жаворонки прилетят!

— Отстань! — с досадой ответила мать Таиске. — Нужны мне твои жаворонки! Прилетят, и ладно.

Таиска чуть не заплакала:

— Да ведь тесто ставить нужно! Но мать ничего не ответила.

А поздно вечером она всё-таки взяла большую глиняную миску и тихонько замесила тесто.

На другой день Валентинка встала пораньше и вышла на крыльцо. Может, она увидит, как летят жаворонки.

Свежее лучезарное утро встретило её. Неистово чирикали воробьи под окнами. Кричали грачи. На изгороди сидела красивая чёрно-белая сорока и поглядывала на Валентинку то одним глазом, то другим! И по всей деревне из конца в конец без умолку голосили петухи. На крыльцо вышел дед:

— Ты что рано выскочила?

— А я жаворонков гляжу. Таиска говорит, они прилетят сегодня. Дед усмехнулся:

— Эка, хватились! Да уж я одного ещё на той неделе слышал!

Дед взял метлу, промёл канавку с водой, а потом подошёл к старой берёзе и стал прислушиваться к чему-то. Валентинка подошла к нему:

— Дедушка, что ты слушаешь?

— Слушаю, как у берёзы сок пошёл. Слышишь? От корня вверх. Так и напирает. Слышишь?

Валентинка слушала, приложив ухо к прохладной атласистой коре. Где-то тихонько шумело, где-то журчало — может, это вода журчала в канавке, может, это ветерок шумел. Но Валентинка шепнула:

— Слышу!

Вдруг на крыльцо выскочила Таиска и закричала звонче, чем все деревенские петухи:

— Валентинка, иди жаворонков лепить! Ну скорей же ты, ну скорей же! Валентинка побежала в избу. На кухонном столе пыжилось пухлое ржаное тесто.

Ребятишки окружили стол. Даже ленивая Груша встала пораньше. Даже Романок проснулся, хотя завтрак ещё не был готов.

— Жаворонков лепить! — крикнул Романок.

— Каких жаворонков? — удивилась Валентинка.— Из чего лепить? Из теста?

— Не знает! — со вздохом сказала Груша.— Ничего не знает! Вот уж правду тётка Марья сказала...

— Много правды твоя тётка Марья наговорила! — прервала мать.— Людей надо слушать, когда они доброе говорят. А когда говорят злое — слушать тут нечего, не то что повторять. Чтоб ни про какую тётку Марью я больше не слышала!

— Бери тесто,— сказала Таиска,— лепи.

— А как?

—Да как хочешь! Вот, гляди, какого мамка слепила!

На большом противне лежал первый жаворонок. Правда, он очень мало был похож на птицу. Хвост у него завивался кренделем, вместо крыльев были две бараночки, вместо глаз торчали две сухие смородины, а клюва и вовсе не было. И всё-таки это был жаворонок.

Груша лепила старательно. Она хотела сделать точь-в- точь такого же. Раз мать сделала такого, значит, и всем надо делать таких.

Зато у Таиски жаворонок был необыкновенной красоты и нарядности. Хвост у него распускался веером, на голове, будто корона, поднимался высокий гребень. На крыльях, широко распластанных по столу, одно перо вниз—другое кверху, одно перо вниз — другое кверху... Такого жаворонка даже во сне увидеть нельзя!

Романок тоже что-то валял в муке, что-то комкал, раскатывал, расшлёпывал ладонью, а потом опять комкал...

Валентинка отрезала себе кусок теста:

— Значит, какого хочу?

Она сделала своему жаворонку хвост в три пера, каждое перо с завитушкой. А крылья сложила на спинке и концы подняла кверху. Жаворонок вышел не похожий ни на материн, ни на Таискин.

— Вот здорово!— сказала Таиска.— Давай придумывать, чтоб все разные-пре разные были.

Противень заполнялся. Удивительные птицы появлялись на нём — и маленькие и большие, и с длинными хвостами и с короткими, и с гребешками и без гребешков... Только Грушины все были похожи друг на друга: хвост крендельком и крылья баранками. Романок наконец тоже сделал жаворонка. Но мать не захотела сажать его на противень:

— Куда такого чёрного? Кто его есть будет? Не жаворонок, а валякушка! Нет ему места!

— Ну и не надо!— сказал Романок.— Я его и так съем,— и, недолго думая, тут же съел своего жаворонка.

Никто не уходил гулять. Так и похаживали у печки: как-то испекутся жаворонки, как-то они зарумянятся?

Тёплый приятный запах расплывался по избе. Это жаворонками пахнет, праздником, весной... Ну скоро ли они будут готовы?

Таиска приставала к матери.

— Мамка, ты не забыла?

— Отстань!

По Таиска не унималась:

— Мамка... ну, может, я погляжу?

— Уйди, не суйся к печке!

Ну, смотри! А то, может, ты забудешь...

Вкусный запах стал густым и жарким. Мать вытащила противень.

У, какие чудесные, какие зарумяненные птицы сидят на нём! Целая стая! Что, если они сейчас взмахнут своими необыкновенными крыльями, да и полетят по всей избе?

Таиска прыгала и визжала от радости. Валентинка смеялась. Романок порывался схватить то одного жаворонка, то другого... Только Груша издали поглядывала на них.

Ну что там особенного? Этим маленьким всегда всё на свете интересно!

Мать каждому дала по жаворонку. Каждый выбрал, какого хотел.

И когда дед пришёл завтракать, ребяташки встретили его в три голоса:

— Дедушка, гляди-ка, гляди-ка, жаворонки прилетели! Дед поглядел на жаворонков и

покачал головой:

— Ух, ты! Вот это птицы так птицы!

ЛЕД ПОШЕЛ. РОМАНOK ЧУТЬ НЕ ПРЕВРАТИЛСЯ В МАГЕЛЛАНА

Валентинка проснулась среди ночи от какого-то далёкого, неясного шума. Она встревоженно прислушалась. Шумело ровно, широко, стремительно. Валентинка привстала. Может, разбудить мать? Может, это фронт нагрелся? Может, идут по дорогам немецкие машины и шумят-шумят, а деревня спит и не слышит ничего?

Тёмная-тёмная ночь глядела в окна. По стёклам шуршал дождь, и что-то тихонько постукивало по наличнику.

Шум не затихал и не становился сильнее. Валентинка успокоилась. Нет, это не машины шумят. Так может ветер шуметь в густых вершинах, так, может быть, шумит море.

Валентинка улеглась, но долго не могла уснуть. Что происходит там, в сырой весенней темноте? Что-то таинственное, что-то чудесное и немножко жуткое...

Утром, проснувшись, она снова услышала тот же монотонный шум.

Таиска умывалась. Она, смеясь, брызнула на Валентинку водой:

— Вставай! Пойдём реку смотреть — лёд пошёл! Слышишь, как шумит?

— Это река шумит? Так, значит, это река шумит! Она ещё ночью шумела. А я подумала...

— Что подумала?

Так, ничего.

...Все нечаевские ребятишки высыпали на реку. Маленькие стояли на горе, пригретой солнышком, а ребятишки постарше и посмелее подошли к самой воде. У, как бурлила вода, как она крутилась воронками! Льдины плыли по реке, сталкиваясь, натыкались на берега и снова мчались куда-то. Река прибывала, вздувалась, начинала выступать из берегов. Она казалась Валентинке огромной, сильной и опасной. Кто её знает: вот возьмёт да и выхлестнет сейчас на берег, затопит луг, рощу, а

их всех утащит и понесёт вместе со льдом. Как она глубока, наверно! И какая холодная, страшная эта глубина!

Мальчишки стояли на берегу. Романок был с ними. Они стояли на самом краю и бросали палки на середину реки, чтобы посмотреть, как они крутятся в бурунчиках.

Вдруг мальчишки закричали. Край берега, на котором они стояли, отделился и медленно поплыл... Это был кусок льда, прибитый к земле. Ребята один за другим цыгали на берег. Только Романок, растерявшись, стоял и не знал, что ему делать. А полоска воды между ним и берегом потихоньку увеличивалась и увеличивалась.

— Прыгай! — кричали ребяташки. — Прыгай скорее!

— Прыгай, дурак! — взвизгнула Таиска.

Валентинка, увидев Романка на уплывающей льдине, такого маленького, жалкого и растерянного, забыла всё на свете. Она прыгнула в воду, сдёрнула Романка со льдины и вместе с ним выскочила обратно на берег.

Всё произошло очень быстро. Валентинка даже испугаться не успела. Но она увидела уплывающую льдину, которая уже неслась по течению, — ведь Романок сейчас стоял бы на ней! Она заглянула в тёмную воду, в которую только что прыгнула, — до чего страшная эта вода! И ей стало до того жутко, что слёзы подступили к горлу.

Таиска подлетела, отшлёпала Романка и отогнала его от реки, словно он не человек был, а какая-нибудь овца.

Потом подошла к Валентинке:

— Как же теперь домой-то идти? С тебя так и льёт. Полны валенки небось. А ну-ка, скинь!

Девочки помогли Валентинке снять валенки и вылили из них воду.

Валентинка дрожала.

Пошли к бабушке Славиной!— сказала Варя.— Она добрая. Мы когда зимой в прорубь

провалились, она всех нас сушила.

И правда! — подхватила Таиска.— Пошли. Бабушка Славина одиноко жила в своей маленькой избушке. Ни родных, ни близких у неё не было. Но когда соседи заходили к ней за какой-нибудь нуждой или ребятишки забегали со своим горем, она всегда была рада помочь, чем только могла.

Бабушка велела Валентинке снять валенки и намокшее платье, дала ей свою шубейку и затопила печку. А на стол поставила чугунок со сладкой пареной брюквой:

— Ешьте. Мёд, а не брюква.

Девчонки всё ещё переживали случившееся. Они уже не дичились Валентинки. И Валентинка больше не боялась их. Они не смеялись над её синим капором, не разглядывали, какие у неё чулки.

— А всё-таки у нас Валентинка смелая,— сказала Таиска.— Я ещё и опомниться даже не успела...

Алёнка поёжилась:

— Прямо в воду! Ух!.. А если б тут не мелко было? Если б тут яма была?

— Страшно! — прошептала Варя.

— Ну и что ж, что страшно! — ответила Валентинка.— А если б Романок ваш был? И ты тоже прыгнула бы. Мало ли что страшно! Конечно...

Она вдруг заплакала. Ей снова представилось, как бурная река уносит льдину и Романок стоит на этой льдине и смотрит на всех испуганными синими глазами. А льдину уже вертит, уже крутит в воде... Ой, что, если б это и в самом деле случилось?

— Ну, ведь не случилось же, ведь не случилось же! — повторяла Таиска. — Ведь не случилось же!

Но неожиданно всхлипнула и сама. И тут же рассердилась:

Уж и надаю я этому Романку сегодня! Будет он у меня знать, как в реку соваться!

ОГОНЕК УВИДЕЛ СОЛНЦЕ

Серые стояли дни. Тяжёлый сырой туман висел над землёй. Ночи были непроглядны. Только ветер шумел, и река бушевала вдали.

И вдруг ударило солнце. Засверкали Трушины спицы, воткнутые в клубок; словно серебряные, засветились ручки у комода; заблестела посуда на полке, и на большой глиняной миске отчётливо проглянули глянцевые синие цветы.

А на подоконниках, затопленных солнцем, свежо и сквозисто зеленели дедушкины сеянцы.

Валентинка была молчалива. Но ей казалось, что начался какой-то необъяснимый длительный праздник. Этот праздник не имел названия, но он был разлит в воздухе, глядел в окна. Она вышла на улицу — праздник был и здесь. Да ещё какой! Снег уже исчез — туман и чёрные ночи согнали его. Синие лужи, словно осколки зеркала, ослепительно сверкали под солнцем. Тонко звенел ручеёк, бегущий через двор. А возле избы на старой берёзе пел скворец. Как он пел! Он словно хотел рассыпаться сам в своих звонких трелях, он даже крылья распускал и весь трепетал от неизбывного счастья.

Дед на усадьбе подправлял изгородь. Он постукивал топором по тонким ольховым жердинкам, подгонял их, прилаживал к высоким кольям, перевязывал мягкой, как волокно, ивовой корой.

Но вот он остановился отчего-то, поднял бороду и глядит в небо. Валентинка сразу встревожилась. Что там? Самолёт? Немецкий?

Дед поманил её пальцем. Валентинка подошла. И — как хорошо! — вместо жёсткого, воющего гула немецких пропеллеров она услышала ещё одну птичью песню. Словно серебряные колокольчики звенели вверх. Словно серебряный дождик падал на землю. Высоковвысоко дрожала в небе маленькая птица.

— Дедушка, кто это? — спросила Валентинка. — Это соловей?

— Это не соловей, — ответил дед, — это самая наша крестьянская птичка. Всегда она с мужиком в поле. Мужик работает, а она над ним поёт, веселит его, радует. Это, Валентинка, жаворонок!

— Жаворонок?!

Тотчас вспомнились жаворонки, которых они лепили из теста. Какой же этот? Может, как Таискин — с широкими крыльями и гребешком на голове? Или такой, как был у неё, — с тремя перьями в хвосте? Какие у него перья: синие или красные?

Но нет! В толстой книге был нарисован жаворонок. Маленькая серая птичка с хохолком на голове. Такая же простая серая птица, как воробей.

Ну и пусть как воробей! Пусть совсем простая и совсем серенькая! Всё равно — это самая лучшая птичка на свете!

Среди улицы, подёрнутой яркой зеленью, одна за другой собирались бабы-колхозницы. Сначала две встретились, заговорили и остановились. Потом из соседних дворов подошли. Все подглядывали на тёплое небо, на талый, украшенный лужицами выгон, советовались о чём-то...

— Вроде как пора... Уж вон возле палисадника и крапива выскочила.

— Да, думается, пора... Чего ж томить, пусть прогуляются... Ванька, беги за пастухом!

Вышла мать за калитку:

— Что, бабы, скотину, что ли, выгонять?

— Да вот стоим, думаем.

— А чего ж думать? Тепло, хорошо... Да вот председатель идёт... Эй, Василий Никитич, подойди к нам на совет!

Председатель колхоза, крепкий загорелый старик, подошёл к женщинам, снял шапку, поклонился:

— О чём совет идёт?

— О скотине совет. Выгонять, не пора ли?

— Ну что ж, хорошо,— ответил Василий Никитич.— Давайте выгонять.

А потом обернулся к Дарье, спросил приветливо:

— Ну как, Дарья, твоя новая дочка: приживается?

— Приживается,— ответила мать.

— Ну, вот и добро, вот и добро! Расти ребятишек, Дарья. А в чём нужда будет — приди скажи. Колхоз поможет.

Мать несколько раз кивнула ему головой:

— Спасибо, Василий Никитич! Спасибо на добром слове!

Решив выгонять скотину, женщины разошлись по дворам.

Таиска выскочила на улицу:

— Валентинка, пойдём смотреть!

Пастух встал на краю деревни и хлопнул длинным кнутом. Словно выстрелил! Потом ещё раз и ещё...

По всей деревне начали открываться скрипучие ворота — впервые после того, как наглухо закрылись осенью. По всей деревне замычали коровы, заблеяли овцы... Вот-то гомон поднялся на улице!

Мать прежде всех выпустила корову Милку. Милка подняла голову, раздула ноздри и заревела, как в трубу затрубила. Сонные глаза её заблестели, будто внутри больших чёрных зрачков зажглось по фонарику.

— Ну, иди, иди!— сказала мать, слегка стегая её пучком вербы (такой уж обычай — выгонять скотину в первый день вербой).— Иди и другим давай дорогу!

Милка медленно вышла на улицу и опять затрубила. Соседские коровы отвечали ей.

Мать открыла овчарник — и овцы высыпали всей гурьбой. Ягнята жались к овце и кричали как заведённые, и овца отвечала им. Белогрудый увидел Валентинку, хотел было подбежать к ней, но овцы шарахнулись в сторону, и он бросился за ними, поджав хвост.

Труднее всех было справиться с Огоньком. Он был в такой радости от солнца, от вольного воздуха, от необъятного простора, который вдруг открылся перед ним! Он рвался, бодался, подпрыгивал и бегал по двору — того и гляди, расшибётся об изгородь или об стену. Мать пыталась его успокоить, уговорить. Валентинка тоже упрашивала:

— Ну тише ты, дуралей, ну тише! Ну что ты, сумасшедший, что ли?

Наконец они вдвоём с матерью вывели бычка на улицу. Дорогой он раза два лизнул Валентинку и успел уже намусолить край материного фартука. Но как только он увидел перед собой широкую улицу, так опять вырвался, «макнул», «бакнул», задрал хвост, разбежался и влетел прямо в пруд. Холодная вода заставила его опомниться. Он выскочил из пруда, покрутил головой. Но тут же, увидев других телят, помчался за ними.

— Вот чучело! — волнуясь, повторяла Валентинка.— Ну, смотрите, все свои белые чулки испачкал!

Скотина медленно проходила по улице. Хозяйки провожали своих коров и овец. Коровы останавливались и пробовали бодаться — надо было разгонять их. Овцы бросались то в один прогон, то в другой — надо было направлять их по дороге.

Открыли двор колхозной фермы. Породистые ярославские тёлочки, белые с чёрным, одна за другой выходили из стойла.

Таиска дёрнула Валентинку:

— Пойдём поближе, посмотрим!

— А забодают?

— Да не забодают— мы сзади.

Девочки вышли на середину улицы и тихонько пошли за стадом. Свежий ветерок, прилетевший из леса, веял в лицо. Глубокая тишина, полная затаённой радости, лежала на полях. Неподвижный, сквозной под солнцем, стоял лес. Он словно примолк, он словно прислушивался к чему-то. Что творилось там? Что происходило в его таинственной глубине?

Вдруг сзади, совсем близко, раздался негромкий, но грозный и протяжный рёв.

— Бык! — вскричала Таиска и бросилась к дому.

Валентинка оглянулась. Из ворот фермы вышел большой светло-рыжий бык. Он шёл, опустив лобастую голову, и ревел. Острые прямые рога торчали в стороны. Он прошёл несколько шагов, нагнулся и начал рыть рогом землю. Валентинка растерялась. Она стояла на месте и не могла отвести глаза от быка.

— Убегай! — кричала ей Таиска.

Валентинка увидела, как ребята бросились врассыпную. Вон и Романок, словно вспугнутый гусёнок, улепётывает к соседям на крыльцо.

Тогда и Валентинка наконец встrepенулась. Она побежала, а бык будто только этого и ждал. Он рявкнул, закрутил головой и двинулся вслед за ней.

Бык пробежал шагов пять и снова остановился. А Валентинка мчалась, охваченная ужасом. Она уже видела, как бык нагоняет её, она слышала прямо за собой его хриплый рёв, чувствовала его огромные рога... И Валентинка закричала, закричала отчаянно:

— Мама! Ма-ма!..

Она не знала, какую маму она звала на помощь. Может быть, ту, которая умерла. Но из- за коровьих спин выскочила худенькая светло-русая женщина, бросилась ей навстречу, протянула к ней руки:

— Я здесь, дочка! Ко мне, сюда!

Валентинка с размаху обхватила её за шею и крепко прижалась к ней. Опасность миновала. Как бы ни был страшен бык, разве он посмеет подойти к матери?

— Пусть подойдёт! — сказала мать.— А вот папка-то на что?

Стадо уходило за околицу. Самым последним прошёл бык. Он всё ещё ревел, нюхал землю и вертел головой — видно, крепкие весенние запахи дурманили его.

У матери в синих глазах светилась гордая радость. Её сегодня наконец-то называли мамой! Разве тётка Марья или бабка Устинья не слышали, как чужая темноволосая девочка сегодня кричала ей на всю улицу: «Мама! Мама!..»

Валентинка знала, чему радуется мать. Только её ли она назвала мамой? Может, нет? Может, и нет. Но всё равно, трудное слово сказано. А раз оно сказано, повторить его будет гораздо легче.

ПИСЬМО С ФРОНТА

Всё дальше отходил фронт. С тяжёлыми боями выбивала Красная Армия врагов со своей родной земли. По-прежнему каждый день колхозники поджидали почтальона. Нет ли письма из армии? Что в газетах: гонят ли немца, или опять упёрся?

Мать стала частенько задумываться. Нет и нет письма с фронта... Она сама стала выходить за ворота встречать почтальона. Но уже издали видела, что почтальон идёт по деревне и не собирается свернуть к их дому. И, понуриив голову, тихонько возвращалась домой.

Молчаливая печаль незаметно поселилась в доме. Никто о ней не говорил, но все чувствовали её, знали о ней. Все, кроме Романка, который ни минуты не сомневался, что всё на свете очень хорошо и ничего плохого вообще не бывает.

Но вот однажды дед пришёл обедать в каком-то необычайном настроении. Во-первых, он весело хмыкал и побрякивал, во-вторых, был что-то очень разговорчив.

— Ну, как дела, пострелята? Как дела, мать? Какая у тебя похлёбка нынче?.. С грибами? Хорошо, лучше некуда!

И, сядя за стол, даже забурчал что-то похожее на песню.

Мать поглядела на него с улыбкой:

Отец, да что с тобой сегодня? По займу, что ли, выиграл?

Дед хмыкнул:

— По займу? Подумаешь, по займу! Не по займу, а кое- что побольше...

— Так чего же побольше? Медаль, что ли, получил?

— Медаль не медаль, а кое-что получил!

И вдруг не выдержал, достал из кармана голубой конверт:

— Вон оно!

— Письмо! — вскрикнула мать.

— Письмо! — закричали ребятишки.

Груша, которая только что вошла в избу, увидев письмо, поспешно бросила свою сумку.

Мать хотела доставать из печки похлёбку, но забыла про неё и отставила ухват:

— Ну что это ты, отец! Читай же скорее!

Дед бережно вынул письмо из конверта и надел очки. Ребятишки окружили его. Только Валентинка не подошла, осталась там, где стояла.

Дед читал письмо с фронта. Отец писал, что он жив и здоров, что бьют они фашистов из тяжёлых орудий, а фашисты, как крысы, забились под дома, в подвалы, и нелегко выбивать их оттуда, проклятых.

Описывал отец, как был он в большом бою и как выгнали они врагов из нескольких населённых пунктов.

А потом отец спрашивал, всё ли благополучно в доме, здоровы ли ребятишки, как учится Груша...

Груша подняла голову и гордо поглядела на Таиску и Романка. Вот как: отец про неё отдельно спрашивает!

— «...Как Таиска, шибко ли озорует?»

Таиска даже подпрыгнула. И про неё отец тоже отдельно спрашивает!

«...Как наш Романок, наш будущий боец? Подрастает он или всё ещё такой же карапуз, из-под стола не видать?»

— И про меня! — крикнул Романок.— И про меня тоже!

Мать, не спуская глаз, глядела на деда и, казалось, ждала ещё чего-то в письме, очень важного, очень нужного...

— «Дорогая моя жена Даша,— читал дальше дед,— ты писала мне, что взяла в дом сиротку Валентинку...»

Вот оно! Все сразу оглянулись на Валентинку. Валентинка насторожилась, а у матери на щеках вспыхнули красные пятна.

— «...Должен тебе сказать,— читал дед,— что ты, Даша, у меня умница и хороший человек. Не слушай, что говорят некоторые люди. Пускай сиротка найдёт в нашем доме свой родной дом, пускай она в нашей семье найдёт свою родную семью. Прикажи ребятишкам, чтоб они её не обижали. Пусть живёт и растёт на здоровье!»

Мать только теперь перевела дух.

— Вот и хорошо! — прошептала она.

А Романок подбежал к Валентинке и весело дёрнул её за платье:

— Слышала? И про тебя тоже!

— Слышала!— ответила Валентинка и, покраснев, так же гордо, как Груша и Таиска, поглядела на всех.

А Груша неожиданно сказала: —Мамка, может, надо и Валентинке чулки связать?

ПОДСНЕЖНИКИ

А весна развёртывалась всё богаче, всё краше. Неожиданно расцвела старая берёза. Наступило утро, и Валентинка увидела её, всю увешанную тёмно-красными серёжками, всю обрызганную золотистой пылью.

Таинственный, заманчивый, темнел за усадьбами лес. Снизу уже что-то зеленело — трава, кусты... Вот если бы можно было пойти заглянуть в эту неведомую лесную страну! Только можно ли это?

Как раз деду понадобилась оглобля. Он взял топор и сказал:

— Ну-ка, девчонки, кому в лес за сморчками надо? Романок побежал за корзинкой. Таиска проворно сняла

полусапожки, бросила их на завалинку и зашлёпала босиком по лужам:

— Пойдёмте! Дедушка места знает, покажет.

— Дедушка, я тоже пойду?— спросила Валентинка.— Мне тоже можно?

— А почему же нельзя? — удивился дед.

— А босиком тоже можно?

— Ну, это дело твоё. Не боишься ногу напороть — иди босиком.

— Тогда подождите, не уходите! Я сейчас!

Валентинка вбежала в избу. Никого не было: Груша в школе, мать на работе. Она поспешно сняла свои худые ботики и башмаки и сунула под приступку. Пробегая мимо лежанки, она нечаянно зацепила ремешок жёлтой сумочки, лежавшей на подушке. Сумочка упала, и заветные картинки выскользнули на пол, развернувшись веером. Вот избушка под снегом, вот караван в пустыне, вот корабль Магеллана, плывущий в неведомые страны... Валентинка схватила их и как попало засунула в сумочку. Пусть куда хочет плывёт Магеллан! Валентинка идёт в лес, в настоящий дикий лес! Она босиком побежит по лужам и по свежей траве, и они пойдут через поле, и, может быть, она отыщет настоящий, живой гриб! Пускай Магеллан плывёт куда хочет!

Дорожка бежала по полю. Колхозницы пахали землю. Валентинка видела в книжках, как пашут, но там всегда были нарисованы мужчины... Ну что ж — нынче война. Мужчины ушли воевать, а женщины взялись за плуг.

А кто это там пашет на рыженькой лошадке? Кто эта женщина, такая слабая на вид, но такая ловкая и умелая? Она не дёргает беспрестанно вожжами, не кричит без толку на лошадь, но лошадь у неё идёт ровно, и гшуг под рукой этой женщины не виляет в стороны, а ведёт прямую, глубокую борозду... Кто эта женщина в такой знакомой голубой кофточке, выцветшей на плечах?

И Валентинка узнала:

— Смотрите, смотрите, вот наша мама пашет!

Нежной прохладой, влажными запахами, звонкими птичьими разговорами встретил их лес. Деревья были ещё голые, но на кустах уже развернулись почки. А внизу, приподняв почерневшую прошлогоднюю листву, пышно и весело красовались цветы. Они заполнили все лесные прогалины: лиловые, красные, розовые среди тёмных мохнатых листьев.

— Дедушка, что это? — удивилась Валентинка.— Смотри, на одной веточке разные цветы?

— Это медуница,— ответил дед.— А что разные цветы, так что же: те, что лиловые, постарше, а те, что розовые, помоложе...

Немного дальше, в тени широких ёлок, ещё лежали пласты снега. Но цветы росли и возле самого снега, и даже сквозь снег пробивались нежные зелёные ростки.

Таиска и Романок пошли вдоль опушки на вырубку — там, возле пней, весной рождаются сладкие грибы сморчки. Но Валентинка осталась возле деда.

А дед рассказывал. Лесные цветы — это первые весенние цветы. Другие только ещё в семенах просыпаются, а у этих под чёрной листвой уже и почки и бутоны готовы. Чуть снег посторонился — они уже и выскочили!

Дед показал Валентинке ветреницу — лёгкий белый цветок, задумчиво глядевший из полумрака чащи. Раскопал слой листвы, и она увидела закрученные спиралью бледные ростки папоротника. Отыскал для неё странное растение — Петров крест. Почти целый год живёт оно под землёй и только ранней весной, когда ещё светло в лесу, выкидывает из-под земли толстый чешуйчатый стебель и начинает цвести, а потом снова убирается под землю. Правда, эти чешуйки вовсе не похожи на цветы. Ну что же? Каждый цветет, как умеет. Всё удивляло Валентинку, всё приманивало её: и лимонная бабочка, прилетевшая на медуницу, и красные шишечки, чуть наклюнувшиеся на концах еловых лап, и лесной ручеек в овражке, и птицы, перелетающие с вершины на вершину...

Дед выбрал деревце для оглобли и начал рубить. Звонко аукались Романок и Таиска, они уже шли обратно. Валентинка вспомнила о грибах. Что же, она так и не найдёт ни одного? Валентинка хотела бежать навстречу Таиске. Недалеко от опушки, на краю оврага, она увидела что-то голубое. Она подошла ближе. Среди лёгкой зелени обильно цвели яркие цветы, голубые, как весеннее небо, и такие же чистые, как оно. Они словно светились и сияли в сумраке леса. Валентинка стояла над ними, полная восхищения.

— Подснежники!

Настоящие, живые! И их можно рвать. Ведь их никто не сажал и не сеял. Можно нарвать сколько хочешь, хоть целую охапку, целый сноп, хоть все до одного собрать и унести домой!

Но... оборвёт Валентинка всю голубизну, и станет прогалинка пустой, измятой и тёмной. Нет, пусть цветут! Они здесь, в лесу, гораздо красивее. Только немножко, небольшой букетик она возьмёт отсюда. Это будет совсем незаметно!

Когда они вернулись из лесу, мать была уже дома. Она только что умылась, полотенце ещё висело у неё на руке.

— Мамушка!— ещё издали закричала Таиска.— Мамушка, ты гляди, каких мы сморчков набрали!

— Мамка, давай обедать!— вторил Романок.

А Валентинка подошла и протянула ей горсточку свежих голубых цветов, ещё блестящих, ещё пахнувших лесом: Это я тебе принесла... мама!